

РАДМИЛА ЁЛКИНА

ВОЗМЕЗДИЕ

Радмила Ёлкина

Возмездие

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510471
ISBN 9785449017314*

Аннотация

Мечты людей Спасительного материка остаются мечтами. Восстание не привело к миру, чего ожидала Таня и её сообщники. Всё пошло не по плану, друзья потеряли друг друга, войны ожесточились, а Тане пришлось начинать всё сначала. Потеряв память, она не может понять, что происходит, и не подозревает, что находится под одной крышей с врагом. Со временем происходят проблески в памяти. Но это не самое главное. Возмездие. Вот что должно случиться с теми, из-за кого она потеряла прошлое и близких людей.

Содержание

Пролог	5
1	20
2	27
3	39
4	61
5	74
6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Возмездие

Радмила Ёлкина

© Радмила Ёлкина, 2017

ISBN 978-5-4490-1731-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я проснулся довольно поздно. Я понял это, когда встал с кровати и увидел, что почти все койки уже пусты. Вчера был слишком тяжелый день, поэтому я так быстро и вырубился. Но я уснул в хорошем расположении духа. У Тани слипались глаза, она хотела спать, я видел это, когда мы сидели в грузовике. Я довел ее до кровати, укрыл одеялом и уже хотел пойти к своей койке, но она потянула меня за руку. Я посмотрел на нее с неким умилением. Она казалось такой маленькой и хрупкой! Она впивалась в меня своими серо-зелеными глазами, сжимая мою руку все сильнее. Потом она улыбнулась мне и пожелала спокойной ночи. Но мне хотелось просидеть так с ней всю ночь. Я продолжал сидеть, а она не прогоняла меня. Мы молча смотрели друг другу в глаза. И вдруг она обхватила мою шею руками и поцеловала. Я удивлялся ее порывам того дня. Но потом я нашел им объяснение.

Я как всегда прошел так, чтобы пройти мимо койки Тани. Она уже встала. Это значило, что она либо была на кухне, либо в ванной комнате, либо опять сидела с Игорем в кабинете и перепиралась с ним. Для начала я пошел в ванную. Мне повезло – она была свободная. Я быстро умылся и пошел на кухню, где большинство людей сидели и пили чай. Глазами я искал Таню. Ее не было. А мне хотелось просто

увидеть ее. Я быстро налил себе кружку горячего чая и вышел с ней из кухни. Я зашел в кабинет, он был пуст, там никого не было. Оставалась оружейная зона. Я должен был хотя бы встретить там Варю. Но ни Тани, ни Вари там не было. У меня начиналась паника. Я думал, что она не могла просто взять и сбежать из бункера. Но она все-таки сбежала. Причем не только она одна. Варя, разумеется, поехала с ней, а еще Вика, Аня, Таяна и Слава. Она собрала всех своих друзей и ушла, как и хотела. Я в глубине души понимал, что она все равно сделает по-своему. Так оно и вышло. Она уговаривала меня, а я не соглашался. Таня хотела быть борцом за свободу, хотела изменить мир. Вот поэтому она и ушла, не сказав мне ни слова.

Я предупредил только Игоря, что еду за ребятами. Он не хотел меня пускать. Но потом он понял, что если из нас двоих никто не поедет за Таней, мы оба ее потеряем. Тяжело вздохнув, он отпустил меня, помог собрать с собой все самое необходимое. Я видел, он хотел ехать тоже, но он был нужен здесь, в бункере. И я поехал на всех порах, думая, что обязательно догоню сбежавших друзей.

Меня вообще не заботило то, что я был в розыске. Да еще к тому же меня считали предателем правительства. Вообще так и было на самом деле. Я мог быть кем угодно, но только не Дежурным, не человеком правительского народа. Я хотел, возможно, как и Таня, свободы. Я хотел, чтобы люди могли сами выбирать, кем им быть. Я был повстанцем, но не таким

страстным как Таня. Как она жаждала свободы и справедливости!

Я был уверен в том, что догоню ее, но, видимо, она ехала очень быстро. Я даже боялся представить, сколько понадобится дней, чтобы преодолеть более ста городов.

На дороге меня встретили Патрульные. Будь их меньше, я бы, возможно, справился с ними, но их было приличное количество. Я был вынужден выйти из машины. Они внимательно вглядывались в мое лицо, я протягивал руку к их прибору, чтобы они проверили мои отпечатки пальцев. Я не знал, что они сделают со мной. Я понял из их разговора, что они получают вознаграждения, если отдадут меня в руки Марии, которая в последнее время безжалостно расправлялась с предателями. Было решено, что они отвезут меня в ближайший город, откуда меня потом заберут люди Марии.

В другой ситуации мне бы польстило, что за мной одним прилетел целый вертолет. Меня никто не тронул рукой из всех тех людей, что были в этом вертолете, ведь они знали, кем я являлся. До 1-ого города я долетел без происшествий. Но потом начался полный кошмар.

В городе все изменилось. Улицы перестали быть оживленными, здания разваливались из-за бомбежек. Беженцы были в городе, но они еще ждали остальных, чтобы начать восстание. Пока с ними вели войну солдаты правительской армии. 1-ый город был уже не таким ярким и прекрасным, каким я его помнил. Я разглядывал его, пока меня вели к моему

дому. Боже, как я здесь давно не был! Только здесь ничего и не менялось. Та же старая, но изысканная мебель, те же картины, которые стоили целое состояние. И те же лестницы, по которым я поднимался. Те же ощущения. Меня ведь вели в кабинет матери. К Марии.

Она сидела на своем крутящемся стуле за столом и курила, стряхивая пепел в пепельницу. В ней так же, как и в доме, ничего не изменилось. Белокурые волосы ее были идеально уложены, голубые глаза не блекли, горели тем же пламенем. На лице не было ни одной морщинки, хотя постоянное хмурое выражение должно было этому способствовать. Весь ее вид как и всегда говорил о том, что она жестока и безжалостна. Она ухмыльнулась, когда я вошел в ее кабинет, она ждала меня. Она потушила сигарету и велела охране, которая довела меня до кабинета, убраться вон. Дверь закрылась. Мы довольно давно не виделись. Обычно она навещала 104-ый город два раза в год. Перед ее последним приездом туда, я как раз сбежал. Поэтому она так долго меня рассматривала.

– Что-то в тебе изменилось, Максим, – задумчиво произнесла она. Я молча смотрел на нее. – Помниться, последний раз ты тут так стоял, когда тебе было десять, кажется. Ты стоял здесь и ныл, как тряпка, – с отвращением говорила Мария. – А теперь ты, кажется, возмужал. Хоть это радует! – я молча слушал ее, сжав кулаки. – Макс, разве ты не рад меня видеть?

– К чему такое отступление? Может, скажешь уже, что я

предатель и тыры-пыры, а потом придумаешь мне какую-то пытку? Это ведь твоя обычная работа, – съязвил я. Мария сложила руки на груди и откинулась на спинку своего удобного стула. Она рассмеялась. Меня передернуло от ее смеха.

– Нет, это было бы слишком гуманно, учитывая, что ты мой сын...

– Я тебе не сын, – тут же перебил ее я. – А ты мне не мать. Я всегда это говорил.

– Раз разговор зашел про это...

– Что? – спросил ее я с вызовом. Она снова улыбалась, меня это начинало раздражать.

– Твоего отца недавно убили эти людишки, за которых ты заступаешься, – беззаботно ответила она. Единственное, что нас объединяло в эту минуту так это полное безразличие к той новости, что мой отец убит. Оба мы ничего не испытывали к нему, он был для нас чужим. Так же мы с Марией были чужды друг другу. – Господи, Максим! Тебе совсем не жаль его?

– Что-то мне подсказывает, что ты подстроила его смерть, – рассуждал я вслух.

– Естественно, он только мешался! Разве ты не помнишь, что пользы от него никакой?

– Каким образом ты убила его? – не унимался я.

– Он нажрался как скотина в тот день, – рассказывала Мария, которую я внимательно слушал. – Я посадила его в машину, сказала шоферу куда ехать. А я знала, куда отправ-

ляла их. Там была очередная бомбежка. От твоего папаши остался один фарш, – она снова улыбнулась.

– Чем же это он тебе так не угодил?

– Мне просто надоело видеть, как из моего дома выходят какие-то шлюхи, которых он вызывал. Да еще он не давал мне покоя своим пьянством. Разве не заслуживал он смерти?

– М-да, – протянул я. – Ну а как на счет меня?

– Не торопись ты так! Я еще не закончила наш разговор, – она достала сигарету и закурила ее. – Скажу тебе только, что я не собираюсь тебя убивать. Ты просто будешь мучиться, пока не расквесишься. Будешь жить здесь, не уедешь больше отсюда. В общем, как жил ты здесь до двенадцати лет. А это для тебя уже пытка, я знаю. Каждый день будешь беседовать со мной, пока я не отстану от тебя. Я буду пытаться тебя, пока не добьюсь своего. Я промою тебе мозги, – лицо ее вдруг исказилось от злобы. Она подошла и вlepила мне пощечину. – Ты понимаешь, как опозорил меня перед всеми?! – кричала она мне в лицо. – Каково думаешь мне слушать о том, что сын мой предатель?

Я молча смотрел на нее. От этого она начала еще больше злиться, она отошла от меня, взяла со стола очередную сигарету. Она успокаивалась. Я вышел, когда Мария сказала мне, чтобы я убрался вон с ее кабинета. Я послушно пошел в свою комнату. К моему приезду ее подготовили. Тут уже не было детских игрушек. Это была теперь обычная спальная комната. Я плюхнулся на свою кровать и тут же уснул,

стараясь забыть о своей матери, с которой я был теперь под одной крышей.

Я проснулся от каких-то выстрелов. Похоже, перестрелки и бомбежки в 1-ом городе были не первой новостью. Это считали теперь делом обычным. Лишь немногие остались тут. Только самые важные, значительные люди. Мария занималась военными делами. На этой войне она бы обогатилась, выдвигая какие-то планы, чем она как раз и занималась.

На часах было шесть часов вечера. Я встал с кровати. На стуле в комнате висела одежда. Снова эта деловая одежда! Я сходил в душ перед тем, как надеть белую рубашку и черные брюки. На столе моем была записка. Через полчаса меня ждали в столовой. Я причесался и вышел из своей комнаты. По пути я внимательно разглядывал коридоры, по которым шел в столовую. В этом доме все умерло, здесь ничего не происходило, не менялось. Даже люди здесь оставались прежними. Все они кивали мне головой в знак приветствия, а я по привычке, как это делал раньше, улыбался им в ответ. Но стоило мне войти в эту шикарную столовую с огромным столом и огромной богатой люстрой над ним, как улыбка сползала с моего лица. Я с большей радостью заходил на кухню в бункере. Все потому что там была Таня. А здесь Мария, которая сидела уже за столом и ждала меня. Я холодно поздоровался с ней и сел. Как всегда изысканная кухня. После еды в бункере она казалась просто божественной, но я и виду не подавал, что скучал по такой еде. Я да-

же для вида не доел. Мария все это время молча наблюдала за мной, допивая свой бокал красного вина.

– Почему ты так поступил? – спросила она меня после долгого молчания. – Почему ты предал свой народ?

– Потому что я другой, я не такой как ты, – четко произнес я. – Ты не знаешь, что такое любовь, не чувствуешь жалости. Ты кровожадная и беспощадная. А я... я не такой...

– Да, куда лучше быть подобным этим жалким рабочим! – прыснула она.

– Так и есть, – грубо ответил я. – Они хоть что-то чувствуют, в отличие от всего правительского общества. Тебя вообще не волнует, что проливается много крови из-за таких людей как ты? Мы здесь сидим и едим еду, которую вырастили они, а сами они голодают, Мария! – меня потряхивало от злобы к ней.

– Что за привычка сейчас у детей называть родителей по имени! – только и ответила она на мою пламенную речь.

– Я наелся, спасибо, – грубо произнес я и вышел из-за стола, бросив скомканную салфетку. – Доброй ночи, – я вышел прочь из столовой и пошел снова в свою комнату. Я тут же пошел к окну. Город освещался пожарами, были слышны страшные выстрелы и крики. Казалось, так будет вечно.

Два последующих дня прошли так же. С утра я шел к Марии, отвечал на ее вопросы, пару раз она выходила из себя и давала мне снова пощечину. Она отправляла меня в комнату, но я шел к ее подданным, которые были перегруже-

ны работой. Я помогал им. Я чистил посуду вместе с женщинами, которые были добродушны и приветливы. Они грели сердце своими добрыми улыбками. Потом я помогал убираться во всем доме. Два дня я пропадал в библиотеке. Я убирал пыль с книг и тут же начинал их читать. Я хоть как-то отвлекался от мыслей того, что мать находилась со мной рядом. Как-то раз она меня так и поймала. Я стоял, опиравшись на книжный шкаф, и листал интересную книгу, в руках у меня была тряпка, чтобы вытирать пыль, рукава моей домашней рубашки были закатаны. Это привело ее в бешенство. И мы снова отправились в ее кабинет. Я чувствовал себя заключенным.

– Ты помогаешь прислуге! – выкрикнула она. – Ты унижаешь и себя и меня перед ними! Ты должен обращаться с ними как положено, а не помогать им делать уборку.

– Я обращаюсь с ними, как человек, а не как чудовище. А сама ты разве не унижаешься?

– Что ты имеешь в виду?

– Президент. Ты ведь льстишь ему, подстраиваешься под него, лижешь ему задницу, лишь бы он заметил тебя, ты хочешь попасть в круг его общения, а он просто пользуется твоими военными услугами. Хочешь сказать, что это не так?

– Хм, – она присела на стул. – Честно сказать, я задумывалась об этом, после того, как повстречала одну девушку в городе, где ты работал, – я не слышал ее, мне хотелось открыть ей глаза, но потом одно имя заставило меня слушать ее вни-

мательно. – Ее зовут Таней, ее поручили тебе. Знаешь, что она сказала? Она сказала мне, что у нас у всех один враг. Она имела в виду то, что для президента даже я являюсь рабом. А потом она оказалась в розыске вместе со своей сестрой, я не удивилась этому. И я хочу знать одно. Вы были в одной команде, верно? Вы и еще кучка подростков нашли бункер? Я ведь права?

– Да, – честно ответил я.

– Эта девчонка, вероятно, промыла тебе мозги, – рассуждала Мария. – И я так понимаю, что ты к ней не ровно дышишь, Макс, – она пристально на меня посмотрела. Я молчал. – Я заметила, как ты напрягся, когда я произнесла ее имя. Но как возможно полюбить такую простую рабочую, у которой даже имя деревенское!

– Ты ничего не знаешь о любви, – почти прошептал я. – И о ней ты тоже ничего не знаешь.

– Зато я знаю, как использовать ее против тебя. Она здесь, в 1-ом городе. Мне сообщили только то, что много рабочих прибыло сегодня в город на восстание. Я дала всем распоряжения. Если в течение получаса эти рабы не уберутся с главной площади перед домом правительства, с неба на них начнут сбрасывать бомбы. Пожалуй, я слишком много тебе сказала, – вдруг в дверь ее кабинета постучали. Это был ее подчиненный. – Что?

– Президент вас вызывает в правительский дом!

– Отлично.

– Откуда ты знаешь, что она здесь? – спросил я ее, перед тем как она собиралась уходить.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня повсюду глаза, повсюду есть люди. Она укрывалась в одном из зданий, когда наши люди начали взрывать грузовики, на которых приехали рабочие. Камеры засекли ее и ее друзей. Дальше думай сам, что делать. Мне пора ехать, – и она вышла, закрыв за собой дверь. Я тут же сел за ее стол и включил ее компьютер. Она наблюдала за всем. Повсюду были одни записи. Я отыскал запись с Таней. Ее лицо было хмурым, сосредоточенным. Там была Аня, Вика и остальные. И еще ее друг, Вова. Но меня он волновал не так сильно, как его подруга. Я окончил смотреть запись, когда они вышли из здания.

Тут же я вспомнил слова Марии о том, что с неба начнут сбрасывать бомбы на рабочих. Я тут же вскочил, взял из ящика стола пистолет и вышел из кабинета. Я побежал на первый этаж дома в кабинет нашего семейного доктора. Эдгар был моим приятелем. Я взял его с собой. Мы уже собирались выйти из дома, как меня остановила охрана. Мне дали понять, что я не могу выйти из дома. Во мне все кипело, я приставил к виску охранника пистолет и клялся в том, что прикончу его. Он нервно сглотнул и выпустил меня вместе с Эдгаром из дома. Мы взяли машину из гаража и поехали на площадь. Она была довольно далеко от нашего дома, поэтому я выжимал полную скорость. Я боялся того, что могу не успеть.

Двадцать минут мы добирались до площади у дома правительства. Тут уже была бойня. Шум стрельбы не давал мне сосредоточиться. Эдгару я сказал, чтобы он оставался в машине. Я отчаянно выкрикивал имя Тани, но разве могла она услышать, увидеть меня? Солдаты жестоко расправлялись с людьми. Белая каменная плитка площади была в лужах крови. Я вошел в толпу бушующих рабочих, разыскивая Таню. Я сам, пока искал ее глазами, прикончил пару солдат. Потом я все-таки нашел ее, но она не видела меня. Нас разделяла куча людей. Она перевязывала Ане ногу. Потом она решительно подалась вперед. Я ломанулся за ней, но потом услышал звук вертолета. Собирались сбрасывать бомбы. Я позвал Таню как можно громче, и она услышала меня. Я кричал ей, чтобы она бежала куда-нибудь. Она отыскала меня глазами, от удивления она обронила оружие, она нагнулась, чтобы поднять его.

И бомба. Я не мог поверить в то, что мог вот так потерять ее. Я, расталкивая всех, побежал к ней. Люди кричали от боли, истекали кровью, но Таня могла умереть. В то, что она уже была мертва, я не мог поверить. Я знал, что она не может не жить. Я кое-как отыскал ее среди других трупов, лицо ее было все в крови. Несмотря на перестрелки, на бомбы, которые продолжали падать с неба, я взял ее на руки и побежал к машине, где сидел Эдгар. Он сел за руль, я на заднем сиденье укладывал Таню, которая казалась мертвой. Она была слишком близко, ее с огромной силой отбросило в сторо-

ну. Я сел, положив ее голову себе на колени. Только тогда я заметил, что на лице ее застыла легкая улыбка. Я гладил ее по волосам, хотя она не чувствовала этого. Я целовал ее окровавленное лицо в надежде, что она обязательно очнется. Но этого не происходило.

Когда мы прибыли, я быстро взял ее на руки и понес в кабинет Эдгара. Мы уложили ее на кушетку. Грудь ее ели поднималась, сердцебиение было слабым. Эдгар подключал ее к каким-то приборам, тут же делал уколы. Мне он сказал вытащить пулю из ее предплечья. Господи, сколько было крови! Вытащив пулю, я тут же перевязывал ей руку выше раны, чтобы кровь остановилась. Больше я ничем не мог помочь Тане. Я полностью положился на Эдгара. Я знал, он был профессионалом своего дела. Мария знала, кого брала на работу. Эдгару было где-то сорок пять лет. Он носил очки. Волосы его начинали сидеть вместе с усами. Весь вид его говорил о том, что он врач. И вот он сказал мне, чтобы я вышел, но я не хотел оставлять Таню. Он прикрикнул на меня, и я вышел. Я пошел по коридору, нервно сжимая и разжимая кулаки. Меня всего потряхивало. Что же Таня сделала с собой! Она не заслуживала такого. Вдруг раздались чьи-то шаги. Это был охранник.

– Там вас просят, – я побежал к входной двери. Меня ждал какой-то врач.

– Эдгар Ильич попросил меня помочь ему с пациентом. Там все серьезно, он говорит, – быстро проговорил доктор. Я

хотел открыть ему дверь, но меня снова остановил охранник.

– Я тебя точно прикончу, идиот, – процедил я сквозь зубы и впустил друга Эдгара. Я отвел его в кабинет. Но меня в него не пустили.

Прошло два часа, и наконец, доктора вышли из кабинета. Они не обращали на меня внимания, прощались друг с другом. Только тогда, когда друг семейного врача вышел из дома, он посмотрел на меня. Он тяжело вздохнул.

– Ну что? – встревоженно спросил я.

– Давай-ка присядем, – мы пошли в гостиную, сели на диван, который находился напротив камина. – Могу сказать только, что она до ужаса живучая, – пытался пошутить доктор. В другой ситуации я бы посмеялся, но не сейчас, нет. – Максим, она жива, вот и все, что тебе следует знать.

– Этого не достаточно.

– Ты хочешь правды? – тихо спросил он меня. Я кивнул ему головой. – Она без сознания. Единственное, чего я не знаю, так это того, сколько она пробудет в таком состоянии. Но когда она очнется, не удивляйся, что она может тебя не вспомнить...

– Что? – удивился я.

– Все ее органы повреждены, особенно голова. Ужасная гематома. Любой другой при таком взрыве сразу бы умер от одного только удара, который получила она. Обычно при таких ударах люди лишаются памяти.

– Нет так это и важно. Сколько времени ей понадобится

для восстановления?

– Трудно судить.

Эдгар в этот вечер уехал в больницу, где нужна была помощь солдатам. Марии до сих пор не было дома. Я сидел рядом с койкой Тани. На ее теле не было живого места, все было в ссадинах и ушибах. Голова выше глаз была перебинтована. Но даже через бинт проступала кровь. Я позвал медсестру, которая поменяла ей повязку. Когда она ушла, я взял тонкую руку Тани в свои ладони.

– Только живи, Таня, – тихо разговаривал я с ней, хотя она меня не могла слышать. – Пустяк, если ты меня не вспомнишь. Что плохого в том, чтобы начать все сначала? Вот увидишь, твоя новая жизнь станет лучше. Я позабочусь об этом. Только живи.

Так продолжалось четыре дня. Я сидел и день, и ночь рядом с Таней и разговаривал с ней, Эдгар говорил, что все будет отлично. Он использовал новейшие лекарства, которые быстро действовали. Так, например, на Тане многие синяки прошли, а рана на голове перестала кровоточить. Мария ничего не говорила на этот счет, она заходила иногда, чтобы посмотреть на меня. Я знал, что Таню оставит она здесь, пока не добьется от меня того, что ей нужно.

И вот на пятый день после комы Таня очнулась.

1

Я открыла глаза. Меня ослепил яркий свет лампы. Я поморгала пару раз, а потом ощутила боль по всему телу. Мне мешала на лице какая-то маска. Я попыталась убрать ее руками, которые ужасно ныли при каждом моем движении. К рукам были проведены какие-то трубочки. Это напугало меня. Я пыталась снять с себя все эти штуковины. Мне хотелось сесть, но только мне стоило чуть приподняться, как голова моя начинала сильно болеть. Еще запищали какие-то приборы. Вдруг белая комната с яркой лампой наполнилась шагами и голосами.

– Эдгар, она очнулась! – громко кто-то говорил. Для меня это было так громко, что голова моя начала болеть еще сильнее. Вдруг надо мной появились люди. Один был мужчина лет сорока с седыми волосами и в очках, а другой – парень лет восемнадцати-двадцати с голубыми глазами. Мужчина в очках щелкал пальцами у меня перед лицом, будто у меня было что-то не так со слухом или зрением. Лучше бы он как-нибудь проверил мою голову. Я хотела ему сказать об этом, но не могла даже открыть рта. Я поймала его руку и приложила к своей голове. – У нее болит голова, – сказал парень. Я посмотрела на него и слегка кивнула, чтобы было не так больно. – Сделай же что-нибудь!

– Максим. Еще хоть слово и я выставлю тебя за дверь,

понятно? – только и ответил мужчина в очках. Два имени. Максим и Эдгар. Я попыталась вспомнить что-то. Но в голове моей ничего не было, я не знала их. Более того, я не знала, кто я.

– Дай ей обезболивающее.

– Слушай, врач тут я, а не ты, – плюс новая информация. Эдгар был врачом. – Обезболивающее ей ни к чему.

«Конечно, – думала я, – зачем мне обезболивающее! Подумаешь, что у меня было что-то не так с головой, а тело все было в ушибах! Я всего лишь могла умереть от боли».

– Ладно, я надеюсь на тебя, – сдался парень по имени Максим.

И он отошел в сторону, чтобы не мешаться под ногами у Эдгара, который делал мне болезненные уколы и мазал мне ушибы какой-то мазью, которая противно пахла. Потом мне меняли повязку на голове. Один этот процесс я перенесла тяжелее всего остального. Я кусала губы, чтобы не закричать от боли. Все это время я изредка издавала стоны. Потом меня приподняли и под спину положили подушку. Я полусидела на кровати с белой простыней. Уже от этого движения у меня кружилась голова. Далее мне дали попить воды, а потом принесли что-то такое, что очень вкусно пахло. У меня заурчало в животе. Это была небольшая тарелка бульона. Парень уже собирался кормить меня сам. Я посмотрела на него так, что он весь изменился в лице. Ему было некомфортно от моего взгляда. Я протянула руки, и он отдал мне тарелку

в руки. Конечно, при каждом движении, они болели, но есть я могла сама. И я поела. А потом я пожалела об этом. Хорошо, что мне успели поднести таз. Меня рвало от вкусного бульона. А потом, пока два незнакомца переговаривались, я не заметила, как уснула.

На следующий день Эдгара не было. Я проснулась и увидела над собой лица девушек в белых халатах. Это были медсестры. Они проверяли какие-то приборы, потом уходили, снова приходили и что-то меняли. Все было как в тумане. Но я понимала, что не должна лежать просто так, мне нужно было уже встать. Я пошевелила сначала ногами. Они двигались, это радовало. Но проблема у меня была одна. Моя голова невыносимо ныла, когда я пыталась поднять ее. И все-таки я попыталась встать, а приборы какие-то около меня противно запищали. Я подняла свое туловище, уже сидела на койке и отцепляла от себя разные медицинские трубочки. И в этот момент зашел голубоглазый Максим, который замер в дверном проходе. Я посмотрела на него и поняла, что сейчас я снова буду лежать. Так и вышло. Он тут же позвал медсестер. Весь следующий день он сидел со мной и просто молчал.

Спустя несколько дней мое состояние улучшилось, я чувствовала это. Я уже спокойно сидела на койке, но вставать мне так и не разрешали. Пару раз я поела нормально. Тело мое уже не так сильно болело, но с головы до сих пор не снимали повязку. Голова моя была не в самом лучшем состоя-

нии. А потом ко мне пришла женщина. Белокурая, голубоглазая женщина. Она пришла не одна, с мужчиной в черном костюме. Женщину звали Марией. Максим, который сидел возле меня все время, посмотрел на нее как на врага. И это насторожило меня.

– Не надо сейчас лезть к ней со своими расспросами, – устало проговорил он, обращаясь к белокурой женщине. Они были очень похожи между собой. – Не сейчас, Мария.

– Я привела психолога. Он только поможет ей.

– Сейчас ей нужна помощь Эдгара. Дай ей время поправится, а потом приводи своего психолога.

– Как раз психолог ей и нужен. Она лежит тут неделю, не понимает, что происходит и молчит. Считаешь это нормальным?

– Да, – отвечал Максим. – Придет время и она сама решит, когда ей заговорить. Ей просто нужно время.

– Хорошо. Мы еще с вами поговорим, – обратилась она то ли к Максусу, то ли ко мне, то ли сразу к обоим и ушла, хлопнув дверью так, что у меня затрещала голова. Я поморщилась.

– Голова? – спросил меня Максим. Я кивнула ему. Он позвал медсестру, которая в очередной раз осмотрела мою голову и мило улыбнулась, сказав, что я быстро поправляюсь. Она ушла, и я стала внимательно смотреть на Максима, который думал о чем-то своем и потому не замечал, как я пялилась на него. Но вдруг он посмотрел на меня. И я реши-

да, что пора уже сказать ему хоть что-нибудь.

– Я хочу встать, – довольно тихо проговорила я. Это было первое, что я сказала с того момента, как очнулась. Максим долго смотрел на меня очень внимательно, а потом улыбнулся. – Мне надоело лежать.

– Да, я понимаю, но Эдгар запретил тебе вставать, – ответил он и тут же задумался. – Я сейчас, – сказал он и куда-то скрылся. Он вернулся с коляской. Потом мы вместе начали отцеплять от меня медицинские трубочки, а далее он помог мне сесть в коляску. Для меня уже это событие стало приключением. – Сегодня тепло на улице. Пожалуй, двинемся на задний двор.

Через минуту я вдыхала аромат деревьев, травы и цветов. Солнце приятно грело тело. Небольшой фонтан тихо журчал, а я спокойно сидела и осматривала сад на заднем дворе красивого дома. Я, казалось, видела это все впервые. Это все было таким чуждым, незнакомым, что я невольно нахмурилась. Мой проводник это сразу заметил и тут же спросил, в чем дело.

– Я ничего не помню, – почти прошептала я. – Я стараюсь что-то вспомнить, но... ничего из этого не получается. Я не знаю, была я раньше здесь или не была. Я не знаю тебя. Но больше всего меня волнует то, что я не помню, кто я такая. И что было до того, как я очнулась, я тоже не помню.

– Что, если твое прошлое разочарует тебя? Почему бы не наслаждаться тем, что происходит именно сейчас?

– И все-таки...

– Абсолютно согласна с тобой, Максим, – перебил меня женский голос. Это была Мария, которая села напротив моего собеседника на скамейку. Я сидела между ними, и я видела, как они смотрели друг на друга. Они испытывали ненависть, злость, отвращение. – Очень рада, Таня, что ты идешь на поправку! – обратилась ко мне женщина. – Может, сегодня поужинаешь с нами? – я вопросительно на нее посмотрела. – Не откажешься же ты поужинать с тетей и двоюродным братом?

– Ах, вот оно что, – рассеяно произнесла я, пытаюсь что-то вспомнить о своих родственниках, но в моей голове была одна тьма. – Я только с радостью! – ответила я уже Марии, которая была моей тетей. Она улыбнулась мне, а потом повернула свою голову в сторону Максима. Его лицо выглядело напряженным, неестественным. Он сводил челюсти от необъяснимой для меня злобы и молчал. – Но, если... если есть какие-то проблемы, я могу поесть в палате, – поправилась я, не сводя взгляда с Максима.

– Да, пусть Таня поест в палате, пока окончательно не поправится, – говорил двоюродный брат.

– И с каких это пор ты решаешь все за свою кузину, Макс? – с вызовом отвечала ему Мария. Воздух стал напряженным. Мне хотелось уйти отсюда. И это все заметили. – Ты устала, милая, – мягким голосом произнесла тетя. – Максим прав. Не нужно пока тебя утруждать. Макс, помоги сестре

добраться до палаты.

– Я хочу еще немного посидеть здесь.

– Как солнце сядет, я отведу ее в палату, – вздохнул Максим, обращаясь к своей матери. Она в свою очередь кивнула нам головой и скрылась в доме.

– Почему именно, когда солнце сядет? – спросила я брата после долгого молчания.

– Ты любишь смотреть на закат, – ответил он и слегка улыбнулся мне. – По крайней мере, любила.

Я стала смотреть на небо, которое постепенно стало становиться розово-оранжевого цвета. Солнце из желтого превращалось в красное. И это было завораживающе. Я впервые улыбнулась со дня, когда очнулась. И я вспомнила, как на самом деле люблю смотреть на закат. И я улыбнулась еще ярче.

2

Еще неделя прошла точно так же как и предыдущая. Повязку до сих пор не снимали, но я уже ходила. И вскоре я уже была в своей комнате, которая была идеально убрана. Она была в два раза больше, чем палата, в которой я лежала до этого. Довольно просторный коридор, огромная спальня с туалетным столиком и широкой кроватью, громадная гардеробная с различными нарядами и ванная комната, куда я первым делом и направилась. Я лежала в теплой воде и попыталась расслабиться, но в дверь постучали. Я тут же вскочила, обернулась в полотенце и открыла дверь. Это был двоюродный брат с каким-то конвертом в руках. Я пропустила его в свою комнату. Пока он с какой-то целью рылся у меня в гардеробе, я быстро вытерлась, надела халат и вышла к нему. Он внимательно посмотрел на меня.

– А повязка где твоя? – спросил он.

– Я сняла ее. Как-то же я должна была помыть голову, – устало проговорила я. – Кстати, не сможешь мне наложить новую повязку?

– Да, конечно, – я достала бинт и аптечку. Я бы смогла сделать все сама, но я почему-то больше доверяла Максиму, чем себе. Он делал все очень аккуратно и через каждые две секунды спрашивал, не больно ли мне. Наконец, он закончил. – Я принес тебе письмо от Марии, – он протянул мне

конверт.

– Почему ты называешь ее по имени? – спросила я. В ответ он всего лишь пожал плечами. Я открыла конверт и достала письмо. – Угу. Ужин. И ради этого тетя тратила бумагу?

– Я и сам считаю это странным, – улыбнулся мне брат. – Ужин в шесть. А сейчас уже половина. Ты уже знаешь, в чем пойдешь?

– Пожалуй, в этом, – говорила я про свой домашний костюм, который безобразно лежал на моей кровати. – Что? Не пойдет? Что такого особенного в приеме пищи?

– Закон нашего дома, – тяжело вздохнул Макс. – В общем, я положил вещи, которые тебе, я думаю, подойдут, на кресло. Думаю, за полчаса ты справишься. Если что, то моя комната напротив твоей, – сказал он и направился к двери. Как только дверь за ним закрылась, я начала одеваться. Синяя блуза мне очень понравилась, узкая черная юбка облегла мои бедра, но это еще ничего. Меня немного смущала обувь. Я не могла ходить в таких туфлях. Каблук был слишком высоким. Я покопалась в гардеробной и отыскала обувь, в которой мне было удобно. Это были кеды. Думаю, никто и не заметит, что я надела их вместо туфель. И так, я была готова. Я оглядела себя в зеркало. Волосы я уже не могла расчесать из-за повязки. А остальное меня устраивало. Разве что на ногах были ужасные синяки, которые я никак не могла скрыть. Потом я села на кресло и стала смотреть на часы. Еще два-

дцать минут! Я решительно встала и направилась в комнату напротив. Я постучалась, в ответ мне крикнули, чтобы я заходила. Я прошла по коридору и увидела Максима, который с важным видом застегивал верхние пуговицы своей рубашки, и с такой же солидностью он принялся за манжеты. Весь его вид рассмешил меня, и я невольно улыбнулась. Потом он накинул на себя пиджак и, отвернувшись, наконец, от зеркала, повернулся ко мне. Он оглядел меня с ног до головы. Посмотрев на мою обувь, он закатил глаза.

– Другого я и не мог от тебя ожидать! – сказал он про мои кеды. – Ладно. Думаю, никто не заметит. У нас еще пятнадцать минут, да? – я кивнула головой. – Нужно нагулять аппетит, – сказал он, и мы двинулись в сад на заднем дворе. Было уже прохладно и темновато, поэтому сад становился каким-то таинственным. Мы гуляли меж деревьев и молчали. – Ты, действительно, ничего не помнишь? – вдруг спросил меня брат, я остановилась и постаралась взглянуть в его лицо, но было уже темно.

– Я стараюсь вспомнить хоть что-нибудь, правда! Но у меня ничего не получается. И от этого ужасно обидно! Вот ты закрой глаза, – Максим послушно закрыл глаза. – Вспомни то, что ты хочешь вспомнить сейчас. Вспомнил? А я не могу! Будто не было ничего до этого. Но я чувствую, что в прошлом было что-то значительное, важное. Все из-за этой дурацкой шишки на голове! – я пнула какой-то камушек. – Что произошло такого, что я две недели лежала в палате? Отку-

да все эти шрамы на руках и ногах, что это за синяки? Как, в конце концов, я получила удар по голове? Знал бы ты, как сложно ответить на эти вопросы, когда у тебя в голове ни черта нет. Если бы знал, ты бы не задавал таких глупых вопросов, – я пошатывалась от какой-то странной обиды, или даже злости. – Наверное, пора уже идти, – и мы пошли в столовую.

На огромный стол еще накрывали, а Мария уже сидела здесь и листала какую-то книгу. Увидев нас, она тут же встала со стула и направилась в нашу сторону. С улыбкой она поцеловала меня в щеку и похлопала Максима по плечу. Мы сели за стол. Он был таким длинным! Мария и Максим вновь сели напротив друг друга. Их разделяло множество тарелок с едой. Я села снова между ними. На моей тарелке была странная еда. Но еще более странно выглядело количество столовых приборов. Я не знала, какой именно выбрать. Это смутило меня.

– Таня, – обратилась ко мне тетя. – Что-то не так?

– Я не знаю, чем есть, – тихо и робко проговорила я.

– Ты просто не помнишь этого. Завтра с тобой позанимаются, а пока ешь тем, чем тебе удобно, – вежливо ответила Мария и улыбнулась мне.

– В каком смысле позанимаются? – спросил за меня Максим, который вновь смерил свою мать ненавистным взглядом.

– В прямом смысле. Завтра у Тани французский язык. Ну,

еще попрошу учителя рассказать ей про сервировку стола.

– Скажи, пожалуйста, зачем ей твой французский язык? – сквозь зубы спросил двоюродный брат. – Хочешь сделать из племянницы благородную девицу?

– Да.

– Я ничего плохого не вижу в этом, – решила я как-то помешать их враждебному разговору. – Будет очень хорошо, если я буду знать французский.

– Пожалуйста! – с довольным видом произнесла Мария, которая, видимо, окончательно хотела насолить сыну.

– Не удивлюсь, если ты наймешь еще и учителя по танцам! – с сарказмом произнес он и в один глоток осушил бокал вина. – Я вообще не понимаю, зачем все это образование!

– Для развития. На мой взгляд, существование человека состоит именно в саморазвитии, – ровным тоном отвечала ему Мария, но я заметила, как тряслись ее руки. Она достала из кармана своего пиджака пачку сигарет и закурила. – И давай не будем это отрицать. В итоге я всегда оказываюсь права!

– Да? Думаешь, в саморазвитии состоит существование? Тогда почему правительство не дает такую возможность всем людям, а? Я считаю это просто несправедливым. Говорите все тут, что развитие человечества – это главное! Но как оно будет развиваться, если большая часть людей не принадлежит к той социальной лестнице, на которую вы себя поста-

вили? Если уж и говорить об этом, то стоит начать разговор с равноправия. Пока не будет его, не будет на всем материке развития, образования! – Максим весь пылал, горел. Каждое свое слово он четко выговаривал, чтобы его слышали. – К черту ваше образование! Лучше пахать на полях, чем жить среди всей этой аристократии!

– Вот как ты заговорил! – мать его не выдержала, потушила сигарету и встала из-за стола. Она решительно направилась к сыну. Она стояла перед ним, потом посмотрела на меня. – Спасибо за приятный вечер, Макс! – бросила она и вышла из столовой. После всей этой сцены я так и не притронулась к еде.

Максим как пьяный добрался до своей комнаты, открывая свою дверь, пожелал мне спокойной ночи и оставил меня одну в этом длинном коридоре. Я хотела уже было войти в свою комнату и рухнуть на кровать, но потом я решила пойти к Эдгару, который занимал второе место в списке людей, которым я доверяла. И все-таки он очень многое сделал для меня, я не могла ему не верить. Я сначала постучала в дверь, а потом он крикнул, чтобы я заходила. Он пил чай и читал какую-то книгу. Я села напротив него.

– Ну-с, Татьяна, что скажите? – с доброй улыбкой обратился он ко мне. Я улыбнулась ему в ответ. – Хочешь чай? Не откажешься же ты составить старику компанию!

– Вовсе ты не старик, Эдгар, – возразила ему я. – Но от чая я не откажусь. Я не поужинала сегодня, – я устало откинулась

на спинку кресла.

– Снова тошнило? – спросил Эдгар после того, как вежливо попросил одну из медсестер принести мне кружку чая. – Если проблема в этом, я могу дать тебе лекарство...

– Нет, дело совсем не в этом. Скажи, Максим и Мария всегда так ведут себя? Уж ты-то точно знаешь, а я нет. Моя голова ужасно подводит меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Они ненавидят друг друга. Это довольно странно, учитывая, что они мать и сын. Сегодня они спорили за ужином. Толковали друг другу об образовании, равноправии, развитии общества. Они ни в чем не могут найти компромисс. Они не могут находиться вместе.

– Это с недавних пор у них так отношения слаживаются, – тяжело вздохнул врач. – До двенадцати лет Максим во всем соглашался с родителями, слушался, молча сносил всякую обиду. Потом он уехал учиться в гимназию. К шестнадцати он стал Дежурным. Его отправили работать в город. Я не видел его два года, и вот он, наконец, снова приехал домой. Он стал более мужественным за эти года, стал сильнее, увереннее в себе. Может, поэтому он так стал общаться с матерью? Кто знает!

– А почему он вернулся домой? – задала я вопрос в свою очередь после того, как сделала глоток чая. – И кто такие эти Дежурные?

– Дежурные? – повторил Эдгар, я кивнула ему головой. –

Это люди, которые следят за порядком в городах.

– А-а, понятно, – протянула задумчиво я. – А зачем все-таки Максим вернулся?

– Долгая история, – быстро произнес врач, подливая мне еще чаю. – Завтра у тебя первый прием у психолога, ты в курсе? – сменил он тут же тему. Это настораживало меня. Я начала подозревать, что что-то было не так. Но пока никак этого не выражала. Я решила продолжить разговор.

– Нет, я не знала. Зачем мне психолог?

– Он постарается помочь тебе вернуть память. Так что, думаю, все вопросы о прошлом стоит оставить на потом. Верно? – спросил Эдгар, глядя на меня поверх своих очков. Я кивала молча головой. – Вот и славно. Давай я поменяю тебе повязку.

– Максим менял мне перед ужином. Можешь проверить, конечно, качественно он сделал или нет, но...

– Я уверен в том, что он все прекрасно сделал. Он хороший парень, с детства делает все на совесть. Господи, ему уже целых восемнадцать! Еще недавно он играл у камина с игрушками. Эх...

– А как ты оказался в этом доме, Эдгар? – спросила я у него. И кто бы мог подумать, что его повествование будет длиться целый вечер!

Будучи еще ребенком, он знал, что станет врачом. С детства он увлекался книгами по химии, биологии и анатомии. Со своим отцом, который тоже был врачом, он с утра хо-

дил на болото за лягушками, а потом они разрежали их вместе. Вообще они все всегда делали вместе. Единственное, что делал отец без него, это операции. Но это длилось недолго. В двенадцать лет Эдгар совершил свою первую операцию. Потом он поступил в престижный медицинский университет, где полностью погрузился в дело своей жизни. Он был одним из лучших учеников, ему доверяли спасть людей, и он спасал их. После университета он начал свою карьеру врача. Казалось, идеальнее врача просто быть не может! Он делал невозможное, он вытаскивал людей с того света. И это он считал смыслом своей жизни. Он знал, что был создан для того, чтобы быть врачом. И ему больше ничего не надо было. Он был счастлив, когда видел, как его пациенты вставали со своих коек и уходили из больницы. Но потом это потеряло всякий смысл. Смерть родителей перечеркнула всю его жизнь. У его отца было большое сердце, которое нужно было менять. Долгое время доноров не было. Но потом все-таки ему нашли сердце, и он доверил эту пересадку сыну. Эдгар был уверен, что эта операция как и все его предыдущие операции закончится успешно. Он был спокоен, даже не волновался во время этой важной для него пересадки. И только тогда, когда новое сердце находилось в грудной клетке его отца и не билось, он запаниковал. Что он только не делал для того, чтобы заставить своего отца снова дышать. Он умер у него на столе. И это было потрясением и для него, и для его матери. Сам он ушел из медицины, сказав себе, что он не достоин

быть врачом, а мать его скончалась через несколько месяцев после смерти его отца. Он не знал, что делать дальше. Он понимал, что он начинал стареть, а у него ничего не было, кроме имени родителей и медицинского диплома. У него не было жены и детей, у него было семь. У него был только один друг, который учился вместе с ним, он тоже был выдающимся врачом, но не имел такого большого успеха как Эдгар, и не испытывал чувства зависти к нему. За это Эдгар и ценил его дружбу. Он старался вытащить его из дома. В течение пяти лет он сумел сводить его только один раз в театр и на ужин к себе домой. Ни у одного другого человека не хватило бы терпения столько времени вытаскивать Эдгара из такого болота. А друг его все-таки сделал это. Эдгар вновь стал работать в области медицины. Он начал писать учебники, которые пользовались успехом, но такая работа больше не приносила ему радости. Он не видел больше счастья, он считал себя бесполезным и жалким. Он не хотел, чтобы жизнь продолжалась вот так вот, бессмысленно, но и менять что-то в ней он тоже не хотел. Он оставался холостяком в своем большом доме, где каждый день на завтрак он ел овсянку, на обед какой-нибудь простой суп, а на ужин – запеченную рыбу и бокал красного вина. У него появилась огромная библиотека, так как он стал много читать, чтобы как-то убить свое свободное время, а его было очень много. А потом он встретил женщину с холодными голубыми глазами и властностью во всех ее чертах лица. Это была Мария.

Они встретились на ужине у одного влиятельного человека. Она сразу понравилась ему. У нее был решительный и яркий характер. Пока другие женщины разговаривали о воспитании и еде, она вместе с мужчинами играла в покер и говорила о политике. К сожалению Эдгара, она была замужем за женщиной, который злоупотреблял алкоголем. Но он видел, как она презирала его. И потому уверенно подсел к ней и начал болтать. В тот же вечер он проводил ее до дома, так как ее пьяница куда-то укатил с друзьями на машине. И в этот же вечер она открыто сказа ему, что не желает устраивать интрижку с жалким врачом. Тогда и понял Эдгар, почему глаза ее казались такими холодными. Мария была безжалостной и не знала о такой вещи, как сострадание. Их общение, казалось, так и должно было закончиться, даже не начавшись, но по иронии судьбы они очень часто встречались на вечерах, в театрах и на званых ужинах. Даже после таких колких слов Эдгар продолжал так же свободно болтать с Марией. Он пытался растолковать ей, что курение укорачивает ее жизнь, на что она, собственно говоря, хотела плевать. Так и должно было остаться, если бы не Максим, которому на тот момент было около восьми. Он упал с перил и сломал себе ногу. Мария сразу позвонила Эдгару, для которого перелом был делом житейским. А потом она сама предложила ему быть семейным врачом в их доме. Он остался. Но даже не из-за симпатии своей к Марии, а, скорее, из-за Максима. Он видел, что он отличался от других детей. Он

знал, что этому мальчику нужны были союзники. Его родители были сами с детства приучены к жестокости, воспринимали ее как должное, а Максим был другим. Он даже знать не хотел о злости и ненависти. Поэтому Эдгар и остался в их семье. Он хотел помочь Максиму не сойти с этого правильного пути. Так в итоге оно и вышло.

– А сейчас ты чувствуешь что-то к Марии? – спросила я Эдгара зевая. Было уже десять часов вечера. Долго же я слушала его историю!

– Пожалуй, только отвращение, – спокойно произнес он. – Ну ладно. Довольно расспросов. Я вижу, ты хочешь спать, – он проводил меня до двери и пожелал спокойной ночи. Дверь за ним закрылась, и я задумчиво поднималась по лестницам в свою комнату. Как только я зашла в нее, я не переодеваясь, рухнула на кровать и тут же уснула.

3

Я проснулась очень рано. В такое время обычно все в доме еще спали, поэтому я решила прогуляться по саду. Я быстро умылась, поменяла самостоятельно повязку на голове, потом надела простое легкое платье бежевого цвета, кофту и вчерашние удобные кеды и вышла из комнаты, тихо закрыв дверь. Я шла осторожно, боясь кого-нибудь разбудить. Бесшумно я добралась до дверей на террасу и вышла на задний двор.

Какой был свежий воздух с утра! Он был бодрящим и прохладным. Солнце только начинало вставать, а вокруг было еще все в тумане. Но несмотря на него, я пошла гулять по саду. Что-то было в этом такое необычное и таинственное, что он просто заставлял меня походить по этим тропинкам между деревьями. Я ходила и пыталась вновь вспомнить хоть что-нибудь. Но все было безуспешно. У меня в голове была огромная дыра. Я знала, что меня зовут Таней. И даже если бы ко мне никто не обращался по имени, я все равно бы знала, что я Таня, я хорошо помнила свое имя. Мне было семнадцать лет, и это я тоже очень хорошо помнила. Но вот все остальное казалось чужим, даже Мария, которая была моей тетей. Я совершенно не помнила Эдгара, не помнила ни одного служащего в доме, даже сам дом этот я как будто впервые видела. Исключение составлял Максим. Возможно,

я была слишком к нему привязана. И сейчас стараюсь находиться с ним рядом. Его голубые глаза были такими знакомыми, их-то я и помнила. Я помнила ощущения к нему. Я помнила, что постоянно была рядом с ним. Я обрадовалась этому. Я пробежалась по саду, забежала в дом и как пуля пронеслась по лестнице. Я постучалась в дверь комнаты Максима и при этом тяжело дышала. Я слышала, как он ворчал, открывая дверь. Но когда он увидел меня, он очень удивился. Я широко улыбалась. Я кинулась к нему на шею, я обняла его очень крепко, а потом отпустила.

– Я помню... я помню, что ты всегда был рядом со мной! – говорила я задыхаясь. – Я помню, знаю эти ощущения. Я привязана к тебе. Не помню, как я общалась со всеми остальными... но я помню, Максим, что мы с тобой очень привязаны друг к другу!

– Ты бегала? – спросил он меня после паузы. – Таня! Тебе же нельзя бегать! Зайди, пожалуйста, – я зашла в его комнату плюхнулась на его кровать. Я смотрела на потолок и улыбалась. Максим лег со мной рядом на кровать. – Давай по порядку.

– Я не вспомнила что-то такое важное. Я просто вспомнила свои ощущения. Картинки в голове смутные, смазанные, что ли, но я помню, что чувствовала. Скажи мне, мы ведь все время с тобой были вместе?

– Ну... да.

– Вот и сейчас я очень привязана к тебе, хотя ничего

не помню. Но я вспомнила сегодня, что ты очень дорог мне.

– Ты тоже дорога мне, Таня, – понизив голос, сказал Максим. Я повернула к нему голову и улыбнулась. – Может, ты еще попытаешься что-то вспомнить?

– Нет, я не собираюсь валяться вот так на кровати, – я встала. – Пошли на задний двор?

– А ты время видела? – шутя спросил меня брат. – Только шесть утра!

– Думаю, ради сестры ты можешь и встать пораньше.

– Точно, ради сестры, – как-то странно произнес Максим. Он нахмурился, но потом улыбнулся мне. Я старалась не обращать на это внимания. Он быстро оделся, и мы начали гулять между деревьями, листья которых начинали желтеть. Был уже сентябрь. – Чем ты планируешь заниматься целый день?

– Сегодня ко мне придет психолог, потом я схожу к Эдгару, чтобы он осмотрел мою голову, потом у меня, вроде, французский.

– Французский! Надо оно тебе? Мария считает, что он просто необходим для тебя. Конечно, на этом языке разговаривает большая часть правительства, но тебе-то это зачем? Не собирается же она тебя таскать с собой.

– У меня складывается ощущение, что ты ненавидишь свою мать, – тихо произнесла я. – Странно это.

– Нет, не странно. Просто тебя твои родители любили, и ты в них души не чаяла. Вот тебе и кажется странным мое

отношение к Марии.

– Ты знаешь, что случилось с моими родителями? – он отрицательно покачал головой. – Возможно, что-то очень серьезное, иначе я бы не жила с вами. А что случилось со мной?

– Слушай, Таня, – Максим остановил меня и положил свои руки на мои плечи. – Пожалуйста, не спрашивай меня о своей прошлой жизни.

– Почему это?

– Я не хочу, чтобы ты знала. Если ты вспомнишь, так вспомнишь. Просто начни жить, как тебе хочется. Не пытайся узнать, что случилось. Тебе это ни к чему, правда.

– Что, все так ужасно, да?

– Да, – ответил Максим. – Пока еще не время знать тебе обо всем, что было.

– Я подожду, – серьезно ответила я. – Я обязательно вспомню что-то еще сама. Я больше не буду спрашивать у тебя об этом, извини...

– Это я должен извиниться, Тань, – он тяжело вздохнул. – Как на счет кофе на террасе?

– Отличная идея.

Мы сели за столик и стали наблюдать за тем, как небо окрашивается в нежные розоватые тона. Потом девушка по имени Варвара принесла нам кофе. Максим попросил ее посидеть с нами. Я и раньше замечала, что он очень вежлив и приветлив. И даже к людям, которые были ниже по со-

циальному положению, он обращался как к равным. Вот и с этой девушкой он разговаривал как с давней подругой. Я долго вглядывалась в ее черты лица, ее это смущало, и она отворачивалась от меня. Не было в ней ничего такого знакомого, но что-то снова начинало всплывать в памяти тут же уходило куда-то далеко-далеко. Я пыталась вновь вернуть это, но у меня ничего не получалось.

– Варвара, – задумчиво иногда произносила я. – Варвара...

На меня странно смотрели, но ничего не говорили. Вскоре девушка ушла. И это было объяснимо. К нам решила присоединиться Мария. Она приветливо улыбнулась и села напротив нас с Максимом. Она тут же прищурилась, будто о чем-то начала подозревать. Я пыталась сопоставить ее образ, который был сейчас передо мной, с образом, который мне описывал Эдгар. И сейчас они совпадали. Глаза ее действительно были холодными, равнодушными. Поэтому я не могла на нее долго смотреть, я отворачивалась каждый раз, когда она обращала на меня свое внимание. Из вежливости я спросила ее, как ей спалось. А дальше все ее слова проходили мимо моих ушей. Она начала замечать это.

– Татьяна, ты какая-то сегодня рассеянная. Что-то случилось? – спросила она меня, наливая себе чай в чашку. – Ты побледнела...

– Она просто не выспалась. Оставь ее ради бога, – вставил Максим и с ненавистью снова посмотрел на мать. Через

несколько секунд я снова наблюдала за тем, как они бранились. Мне не хотелось смотреть на это, меня начинало трясти от их ссоры. Я молча встала и вошла в дом. Я быстро добралась до кабинета Эдгара, но его так не было. Мне сказали, чтобы я его подождала. Я ждала его десять минут, после чего он начал осматривать мою голову. Когда он дотрагивался до шишки, мне становилось больно. Но несмотря на это, Эдгар говорил, что на мне все быстро заживает. Он наложил мне новую повязку. Потом мы начали болтать.

– Я ушла с завтрака. Тетя и Максим снова ругались.

– Я тоже ненавижу наблюдать за разными перепалками. Я слышал, у тебя сегодня французский?

– Да, – я тяжело вздохнула и прикрыла лицо ладонью. – Вся эта утренняя ссора утомила меня. Причем, что я оказалась причиной их ругани. Возможно ли, что они станут дружны, Эдгар?

– Исключено. Есть такие люди, которых ничто не может примирить.

– Ну Мария же его мать!

– Его воспитанием занималась его няня, так что между Марией и Максимом нет никакой привязанности. Женщины в правительстве для того, чтобы создавать армию. Выбирают людей с сильными генами, по приказу они вступают в брак, а после рождения ребенка они остаются с большим домом и огромным количеством прислуги. Таков контракт. Своего рода, получается, что люди торгуют детьми за роскошь. По-

нимаешь?

– И это всех устраивает?

– И это всех устраивает, – ответил Эдгар. После этого в кабинет ворвался Максим. Он тяжело дышал, значит, бегал. – Доброе утро, Максим! – поприветствовал его врач. – Какими судьбами? Неужто что-то заболело?

– Эдгар! Когда в последний раз у меня что-то болело? – посмеялся Макс и перевел свой взгляд на меня. – Тань, я обыскался тебя. Почему ты ушла?

– Подожди, она позавтракала? – спросил врач у Максима. Я кивнула головой, а брат покачал ей. – В таком случае, предлагаю тебе проводить Татьяну поесть.

– Да, согласен, – я встала с удобного стула и пошла за Максимом. У него была атлетическая фигура. Я поймала его за локоть и развернула к себе. – Что?

– Мария до сих пор там?

– Ты боишься ее?

– Нет, – серьезно произнесла я, а брат улыбнулся. – Просто я не могу наблюдать за вашими ссорами. Так она там?

– Она уехала на целый день. Пойдем, тебе надо поесть.

Мы вновь сидели на террасе. Солнце приятно грело кожу. Максим не умолкал, рассказывая мне какие-то забавные истории. Я, наконец, плотно позавтракала. Потом мы двинулись гулять по саду. Я как и обещала, не стала расспрашивать его о своей жизни, хотя очень хотелось. Я расспрашивала его о нем самом. Я бы разговаривала с ним бесконечно,

если бы наш длинный разговор не прервали. Ко мне приехал психолог. Он хотел поговорить со мной в каком-нибудь кабинете, но я уговорила его прогуляться со мной по саду. Максим удалился. Психолог по имени Марк Романович был молодым мужчиной в темном строгом костюме с кожаным портфелем. У него был довольно низкий голос, но при этом он имел бархатное звучание. Черты лица его были тонкими и аккуратными, но не женственными. Он был среднего роста, держал спину прямо. Он начал нашу беседу с того, что спросил у меня, как мое самочувствие. Мы довольно долго разговаривали о том, как я отношусь ко всему, что происходит в доме, как я отношусь к людям. Потом он, наконец, спросил меня про мою память.

– Вы ведь потом всю эту информацию доложите Марии, верно? – спросила я в свою очередь. Мы остановились. Мужчина усмехнулся, мне казалось, что он смеялся надо мной. Он поднял на меня свои золотисто-карие глаза. – Если вы надеетесь, что после удара по голове я научилась читать мысли, то вы ошибаетесь.

– Так значит вы, Таня, боитесь, что Мария узнает о ваших воспоминаниях? Почему?

– Перестаньте так разговаривать со мной! – вспыхнула я. Марк Романович вновь усмехнулся.

– Это всего лишь моя работа. Извините, но как-то я должен зарабатывать, – спокойно ответил он. – Вы не устали? Может, стоит позвать вашего врача, Эдгара, кажется?

– По-вашему я могу устать от обычной прогулки? Вы считаете меня такой больной и слабой?

– Судя по тому, как вы разговариваете со мной, то да, считаю, – он говорил со мной так спокойно, что меня это начинало раздражать. Он повернулся ко мне спиной и пошел дальше. Я вынуждена была идти за ним. – Ваша нервная система неустойчивая. Поэтому вы так легко разозлились на меня. Будь вы чуть поспокойней, то приняли бы мои слова во внимание. И это понятно, вы потеряли память. Это усложняет вам жизнь, не так ли?

– Я хочу всего лишь знать, наша беседа останется между нами или нет?

– А вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

– Извини, но я как-то не припомню! – с долей сарказма произнесла я. Психолог чуть рассмеялся. – Не серьезно вы относитесь к своей работе. Сколько вам лет?

– Это имеет значение? – спросил он. В ответ я просто посмотрела на него с долей высокомерия. – Мне двадцать пять.

– Значит, вы молодой специалист?

– Не сказал бы, что я молод, – он нахмурился. Он начинал понимать, что я заговариваю его. – Вам семнадцать, верно?

– Верно, – коротко ответила я. – Вы интересуетесь с какой-то целью?

– Это моя работа – расспрашивать вас, Татьяна, – четко и с расстановкой произнес психолог. – И поэтому вопросы буду задавать я, а не вы, уж извините. Итак, вы боитесь, что

Мария узнает о ваших воспоминаниях?

– Вы не ответили на мой основной вопрос, – со злобой проговорила я. – До свидания, – не выдержала я, развернулась и пошла в дом. Я направилась сразу в комнату Максима, но его там не оказалось. Встретив девушку Варвару на пути, я спросила, где может быть мой брат. Варвара ответила мне, что, возможно, он был в библиотеке. И, действительно, он был там и помогал убираться подданным Марии. Он не заметил меня, и потому я молча взяла тряпку и начала протирать пыль с книг. Я пыталась себя успокоить, я тяжело дышала, во мне было слишком много злобы. И только все начинало внутри меня все утихать, как этот Марк Романович ворвался в библиотеку. – А мне казалось, мы с вами попрощались, – громко произнесла. Максим поднял свои глаза и удивился, увидев меня здесь с тряпкой среди книг.

– Вообще-то у нас с вами еще около часа.

– Мне неприятно вести с вами беседу, – с вызовом ответила ему я и ухмыльнулась. – Я слишком уж вспыльчива. И, наверное, это нормально, я ведь потеряла память! – передразнивала его я. Он продолжал стоять и смотреть на меня в упор.

– В таком случае я вынужден продолжить нашу беседу здесь.

– Ваше общение со мной трудно назвать беседой. По большей части, вы меня допрашиваете. Может, вам стать следователем?

– Извините, но профессия психолога мне по душе. И из-за вас я не собираюсь ее сменять. Так что, может быть, мы все-таки выйдем?

– Чтобы вы опять не отвечали на мои вопросы? Вот еще! – Я закатила глаза и начала снова протирать пыль. – Не стойте на пороге, ради бога. Не составит вам труда выйти вон?

– До завтра, – сквозь зубы проговорил психолог и закрыл за собой дверь.

Я подождала пять минут, а потом, захватив с собой Максима, пошла на обед. В течение получаса за едой я рассказывала ему в подробностях, какие отношения у меня сложились с психологом. Мы вместе посмеялись над ним. Пару раз Максим передразнил меня. Я стала замечать, как я оживилась за последние несколько дней. Я стала веселей. Но это веселье продолжалось недолго. После обеда у меня был французский язык. Максим пошел со мной под предлогом, что ему тоже не помешает подтянуть этот язык. Учитель был обычным человеком, без особенностей. Большую часть урока, я слушала беседу его с моим братом, которую я никак не понимала. Максим потом сказал мне, что в течение урока учитель пару раз назвал меня бестолочью на французском. Единственное, что я понимала – это было «уи», которое я постоянно произносила, когда мне что-то говорили с вопросительной интонацией. Этот урок, казалось, длился целую вечность! Бесконечная болтовня на красивом языке, которого я не понимала. Надеюсь, через пару неделю я хоть что-

то научусь говорить. После французского мы решили пойти с Максимом снова гулять по саду. Мы долго молчали. И от этого я не чувствовала никакой неловкости. Мне даже молчать с ним было не в тягость. А я любила просто помолчать и посмотреть, что происходит вокруг меня. Листья опали, на ветках сидели маленькие птички, которые переговаривались между собой. Мне нравилось наблюдать за природой. Но за людьми было наблюдать интереснее. И потому я начала наблюдать за двоюродным братом, который шел, опустив голову, и сложив руки за спиной, о чем-то серьезно задумался. На его лице одно за другим появлялось разное выражение. Он хмурился, а уголки его рта то опускались, то поднимались. В голове его смешалось, должно быть, много мыслей. Я завидовала даже этому, ведь у меня в голове такого бардака еще не было. Мне хотелось какой-то душевной бури. Я не могла так спокойно каждый день гулять по саду и есть. Я понимала, что в скором времени мне надоест все это однообразие.

– Мне вот интересно, о чем ты так задумался? – прервала я молчание первая. Он отреагировал не сразу. Он сначала посмотрел на меня вопросительно, а потом открыл рот, будто собирался мне уже что-то сказать, но потом снова принял свое исходное положение, и мы снова шли в молчании, думая каждый о своем. – Кто эта девушка?

– Какая? – недоумевал Максим.

– Варвара, – задумчиво произнесла я. – До боли знакомое

имя! Только у меня не получается вспомнить, как оно связано со мной. Но оно очень близкое, даже родное, что ли. Постоянно вертится в голове, но все так смазано...

– Старайся не напрягаться. Придет время, и ты обязательно все вспомнишь.

– Почему ты не хочешь говорить мне о моем прошлом? Почему ты не хочешь помочь мне?

– Я бы помог тебе, Таня! – он остановился и посмотрел на меня с каким-то сожалением. – Ты не представляешь, как я хочу помочь тебе! Но я не могу... не могу... – прошептал он.

– Почему?

– Тань, – произнес он, и я поняла, что расспрашивать его об этом бесполезно. Я замолчала. Мы двинулись дальше. Мы гуляли так в молчании до самого заката солнца. Мы так же молча в течение десяти минут наблюдали за ним, а потом приехала Мария. Нам принесла от нее письмо Варвара. Снова ужин. Мы разошлись с Максимом по комнатам. Я быстро приняла душ, переоделась к ужину и спустилась в столовую. Я не хотела видеть тетю, ее присутствие странно действовало на меня, она, словно, высасывала из меня энергию, просто посмотрев на меня. Как только я вошла в столовую, она подошла и обняла меня. В комнате уже стоял кислый запах табака. Максима еще не было. Можно было бы спокойно поговорить с ней, но мне не хотелось.

– Марк сообщил мне, что с тобой невозможно общаться, –

начала она. Сначала я не поняла, о ком она мне говорит, а потом до меня дошло, что она говорила о моем психологе.

– Тогда у нас с ним сложились довольно взаимные отношения, – спокойно ответила я. – Я хочу поговорить с вами.

– О чем же? – спросила Мария и осушила бокал красного вина.

– Что со мной случилось? И что случилось с моими родителями?

– Это уже не важно...

– Нет, важно! – перебила ее я. – Я просто хочу знать правду. Скажите, почему мне никто ничего не говорит о моем прошлом?

– Татьяна, тебе незачем знать свое прошлое. Ради бога, не делай из этого трагедию! – она говорила со мной так небрежно и равнодушно, что мне хотелось уйти и больше не разговаривать с ней. Я лишь долго смотрела на нее. – И даже не пытайся узнать о том, что с тобой было, ты меня поняла?

– Как я могу жить настоящим, если нет прошлого?

– Кажется, я начинаю понимать Марка Романовича, – тяжело вздохнула она и проигнорировала меня. Когда на стол накрыли, явился Максим. Мы ужинали молча. Но без скандала в этом доме просто нельзя было обойтись. – Через неделю мы должны ехать на жатву, – оповестила Мария, скорее, Максима, чем меня. Брат посмотрел на нее исподлобья, отодвинул от себя тарелку с едой и положил руки на стол, тем

самым показывая, что он намерен поспорить с ней.

– Пожалуйста, езжай одна, но без меня, – спокойно ответил он матери. Она закрыла на мгновение глаза, чтобы успокоить себя.

– Что такое эта жатва? – спросила я.

– Давай, расскажи ей о жатве, – пробубнил Макс. – Я бы тоже послушал.

– Это мероприятие проводится каждый месяц в честь спасения человечества. А это было очень давно! – говорила тетья, но я и слова не поняла из того, что она сказала. Я всего лишь кивнула головой. Несколько минут стояла тишина. – Мне бы хотелось узнать, Макс, почему ты не желаешь поехать на жатву?

– Потому что это омерзительно! – сквозь зубы произнес он. – Я с детства призираю эту жатву, ты сама знаешь.

– Ты не чтишь историю материка!

– Я не чту то, что творится на материке сейчас. Историю я и не задеваю. Я даже горжусь теми людьми, которые спасли этот материк. Но я не уважаю тех людей, которые сейчас просто сидят в правительстве и издеваются над людьми, а не спасают их. Я презираю правительство.

– То есть, ты презираешь свой народ?

– Да, я презираю свой народ, если тебе так угодно! – резко отвечал Максим.

– Ты презираешь меня? – спросила в свою очередь Мария. Максим смотрел на нее прямо и уверенно.

– Да.

– Выйди вон, – устало проговорила тетя, и брат вышел из столовой. Я тут же вышла за ним, пожелав Марии спокойной ночи.

Я не успела догнать брата, так как он довольно быстро шел по коридору. Он так же молниеносно открыл дверь своей комнаты и хлопнул ей так сильно, что меня на мгновение оглушило. Мне стало не по себе. Я опустилась на пол и пыталась прийти в себя. Голова моя начала кружиться. Вдруг теплая струйка крови побежала у меня из носа. Я крикнула Эдгара. Тут же открылась дверь Максима, слышались быстрые шаги с первого этажа. Эдгар что-то крикнул Максиму. Оба они довели меня до кабинета врача. Эдгар тут же позвал медсестер, которые принесли вату, которую я сама затолкала себе в нос. Потом врач стал мерить мое давление. Оно оказалось очень высоким, поэтому у меня и пошла кровь из носа. Он положил мне в рот какую-то таблетку и сказал, чтобы я шла отдыхать. В его понимании отдых – это не ломать себе голову над всякими вопросами. Но чем я могла еще заняться в этом доме, как не обдумывать что-то? И все-таки я поднималась с Максимом по лестнице. Он взял меня под руку, чтобы я чего вдруг не упала. Потом мы стояли у порога моей комнаты и просто смотрели друг на друга. И что-то было в этом такое странное, что я никак не могла объяснить. Что-то было не так.

– Как все-таки скверно то, что я ничего не помню, – тихо

произнесла я и облокотилась на стену. – О какой жатве вы сегодня говорили за ужином?

– Я не хочу говорить об этом, – Максим поморщился и задумался. – А впрочем...

– Пойдем в комнату, – я запустила его к себе, включила везде свет и села на свою огромную мягкую кровать. Я стала утопать в подушках и одеялах. Закрыв глаза, я приняла лежачее положение. Я почувствовала, как Максим сел рядом. – Рассказывай, – произнесла я и посмотрела на него.

– Тебе это не понравится, предупреждаю, – понизив голос, говорил он. – Когда-то по всему миру ходила ужасная болезнь, я не помню ее названия. Все люди вымирали. Все начиналось со стран Северной и Южной Америки. Эти материки стали зараженными, там нельзя было жить, люди через неделю после проживания там умирали. Все дошло до того, что только на одном материке возможна была жизнь. Его поэтому и назвали Спасительным. Потом все люди устремились к этому матерiku. Многих из них не пускали, так как они были заражены. А потом люди начали строить новое государство. Люди, которые были высшего положения до всей этой трагедии, так и остались на приличном социальном месте. Остальных сделали рабами. Так на Спасительном материке образовалось десять главных городов, где в основном и жили эти люди высокого чина, а во всех остальных городах жили обычные люди. Через несколько лет после такой реформы люди правительства заметили, что людей на мате-

рике слишком много. Конечно, ведь с целого мира столько народу собралось, что не всем хватало земли, где можно было бы построить маленький дом! Правительство нашло выход, – Максим остановился. Он внимательно смотрел на меня, я так же внимательно слушала его. Он тяжело вздохнул, будто думал о том, рассказывать мне эту историю дальше или нет. – С каждого города, кроме городов, где жили люди высшего общества, собирали по семь человек. И...

– Что?

– Они убивали их и сейчас убивают, Таня. А люди правительства просто смотрят на это и радуются. Каждый месяц этих несчастных людей привозят в 1-ый город и убивают на глазах у всех. Это и есть жатва.

– Сколько лет прошло с момента открытия материка? – спросила я в свою очередь.

– Где-то два столетия.

– Должна же была это болезнь исчезнуть, раствориться! Тогда бы всем людям хватало места...

– Его и сейчас хватает, Таня! – понизив голос, сказал мне брат. – Это игра, понимаешь? Первые десятилетия, места действительно не было, но потом-то... это стало просто забавой для правительства. И людям уже не интересно, что там, за пределами Спасительного материка. Хотя, может быть, как ты говоришь, там и нет уже никакой болезни. Правительству наплевать на это, им нужна кровь.

– Не могут все люди правительства быть такими жестоки-

ми!

– Есть и такие, которые пытаются это остановить, но большинство всегда выигрывает. Люди ожесточились. Ценности стали другие. Теперь людям подавай деньги, прислугу, роскошь... Люди променяли розы на шипы.

– На шипы... – рассеянно повторила я за ним. – Так ты поедешь на эту... жатву?

– Разве есть у меня выбор? Мария властвует над всеми. Надо мной, над тобой, даже над Эдгаром, – он встал с кровати и подошел к окну. – Если бы у тебя был выбор, Таня, ты бы поехала на жатву, если бы и я на нее поехал?

– Да, – уверенно произнесла я и посмотрела на него в упор.

– Почему?

– Я не могу этого объяснить, Макс, – почти прошептала я. – Ты усложняешь все, задавая такие вопросы. Пойми это.

– Усложняю, – усмехнулся он. – Знала бы ты, как ты усложнила мне жизнь...

– Я могу ее и облегчить, если хочешь, – почти с вызовом произнесла я и встала с кровати. – Меня здесь ничего не держит. Это ведь не мой дом, он для меня чужой, как и все остальное в этом доме. Даже Мария. Я могу просто уйти. И я бы была счастлива, правда. И всем было бы хорошо, у вас было бы все по-старому. А я бы ушла в какой-нибудь лес, разводила бы костер, охотилась бы на животных. Я бы всю эту роскошь променяла на то, чтобы спокойно жить в лесу

и не докучать никому. Я просто могу уйти, прямо сейчас.

– Сегодня так спокойно ночью! – только и ответил Максим, упершись лбом в окно. – Я каждую ночь просыпаюсь от выстрелов. Я вздрагиваю, когда слышу чьи-то крики. Мне никогда не было так страшно, как сейчас.

– Какие выстрелы?

– Люди, обычные люди приезжают в города правительства, чтобы начать восстание. И оно уже идет давно. Люди почти каждую неделю приезжают сюда, и их безжалостно убивают. Когда-то это все должно закончиться! – отчаянно вскричал он. Я подошла к нему и тоже начала смотреть в окно. – Мы исправим это очень скоро. Все изменится, я знаю.

– Думаешь, мы что-то сможем сделать?

– Ой, Таня! Помнила бы ты, что говорила обычно в таких ситуациях!..

– Что я говорила?

– Ты не то что бы говорила, ты делала все, чтобы добиться того, что ты хочешь! – он, наконец, отвернулся от окна и посмотрел на меня. – Где у тебя аптечка?

– Что-то не так? – взволнованно спросила я и тут же побежала в ванную комнату. Я вернулась к Максиму. – Что у тебя болит? – вместо ответа брат подошел ко мне, вынул из рук у меня аптечку и усадил на кресло. Он встал передо мной на колени. Я недоумевала. Он доставал что-то из аптечки. Каким он выглядел спокойным и умиротворенным! Одной рукой он придерживал мою голову, а другой доставал вату

из моего носа. И все его прикосновения были такими странными. По всему телу ходил какой-то электрический заряд. А каждое место моего тела, к которому он прикасался, пылало, горело. Мне стало жарко. И все это было так знакомо. – Уйди, – чуть слышно проговорила я.

– Что?

– Я дальше сама. Пожалуйста, уйди! – мой голос задрожал. – Извини...

– Спокойно ночи, – сказал он и вышел, пошатываясь, будто опьяненный чем-то. Я и сама себя так ощущала. Я пошла в ванную. Я лежала в воде и думала до тех пор, как в мою дверь не постучали. Я быстро оберлась полотенцем, накинула на себя махровый белый халат и вышла, чтобы открыть дверь. Это был Эдгар. Я пропустила его к себе. Он сел на кресло, а я встала перед ним. – Не спится? – спросила я и зевнула. На часах было уже одиннадцать часов вечера.

– Я пришел посмотреть, все ли с тобой нормально. Если бы не Мария, я бы не пошел.

– Вот как! Чего это она обо мне так заботится? – я села на свою кровать. – Видно, со мной все хорошо, раз ты не хотел идти ко мне, Эдгар. Я права?

– Да. Утром к тебе приходит психолог, кстати...

– От него никакой пользы, только нервы и тратишь, – я снова зевнула. – Раз уж ты здесь, то помоги мне с повязкой, пожалуйста, – Эдгар помог мне с моей головой. – Ну и что?

– Максимум еще неделю, и можно будет уже снять повяз-

ку. Поздравляю! – он улыбнулся так тепло, по-доброму, что мне стало весело и хорошо. Он пожелал мне спокойно ночи и ушел, закрыв за собой дверь. А я еще долго не смогла уснуть. Я чувствовала, что что-то было в этом доме не так, все не так, как должно быть. И так как я не спала, я начала слышать выстрелы. Мне стало страшно, но я выглянула в окно. Далеко-далеко что-то горело ярким пламенем. Я больше не могла спать. И только тогда, когда крики и выстрелы затихли, я уснула на своем кресле, на котором и просидела всю ночь. А я сидела до пяти утра.

4

– У вас усталый вид, – заметил Марк Романович, беседуя со мной в саду. – По вам видно, что вы не спали всю ночь. Что-то вас тревожит, я вижу.

– Слава богу, не знаете что! Так бы вы меня до самого вечера доставали своими расспросами! – проворчала я. Утро было прохладным, дул сильный ветер. Собиралась гроза. – Скоро начнется дождь. Придется нам разойтись с вами.

– Мы можем с вами поговорить и в беседке, если вы так боитесь промокнуть.

– А вы разве не боитесь промокнуть? – съязвила я.

– Это всего лишь вода, мне кажется. Что такого, если одежда моя станет мокрой? Но я все предусмотрел. Я взял с собой зонт!

– Пойдемте уже в беседку, – устало проговорила я, и мы направились дальше. Мы подозвали Варвару, которая в скором времени принесла нам чай с разными вкусами, но мне было тошно смотреть на еду. – Можно задать вам один вопрос?

– Да, конечно! – произнес оживленно психолог. Но я уже наперед знала, что он, как и вчера будет вести себя как упрямый баран. Хотя, я тоже себя так вела. – Я слушаю.

– Как вы относитесь к политике государства?

– Смотря, что вас интересует, Татьяна. Какие-то стороны

этой самой политики я поддерживаю, а какие-то не признаю. Да и всякий человек сейчас будет чем-то недоволен, как думаете?

– Что именно вы не признаете?

– Ну нет! – смеясь ответил Марк Романович. – Так не честно, в конце концов. Отчего я должен отвечать на ваши вопросы, если вы не отвечаете на мои?

– А отчего я должна отвечать на ваши вопросы, если вы не отвечаете на мои? – с вызовом ответила ему я. Минуту мы молчали. – Это не выносимо!

– Тут я разделяю ваше мнение, – после его этой умной фразы начал накрапывать дождь. – Почему вы не едите?

– Зачем есть, если не хочется! – безразлично ответила я и стала наблюдать за тем, что происходило в саду. Была осень, ветер раскидывал по земле красные и желтые листья, а дождь вносил в эту и так печальную картину еще больше печали. Я терпеть не могла осень!

– Вы побледнели...

– Боже, может, вы поговорите о чем-то другом? Какое дело вам до меня вообще?

– Мне интересно было бы узнать, больны вы или думаете о чем-то таком, что вам не хочется есть и разговаривать со мной, – спокойствие его уже начинало бесить меня. Я готова была придушить его прямо сейчас, я готова была вонзить ему нож в руку, пальцами которой он постоянно стучал по столику. Словом, я бы сделала все, лишь бы он заткнулся.

– О, поверьте, с вами я даже не захотела бы разговаривать и в хорошем расположении духа! – съязвила я. Он усмехнулся. – Вы не чем мне не помогаете, Марк Романович. Мне кажется, стоит нам и вовсе попрощаться.

– Мой срок – неделя. Мы с вами общаемся всего второй день. Слушайте, если я отвечу на ваш главный вопрос, вы согласитесь пообщаться со мной нормально?

– Если вы ответите на мой вопрос честно, – подчеркнула я. – Хотя и тогда у меня не будет уверенности в том, что вы не лжете мне.

– В своей работе я придерживаюсь одного правила. Все, о чем беседуют пациент и врач, остается между ними. И даже такие люди, как Мария, не могут нарушить этого правила. Единственное, что я могу ей сообщить – это то, как вы контактируете лично со мной, не более. Все же ваши личные переживания остаются у меня в голове. Я вас убедил?

– Вполне, – задумчиво произнесла я. Он протянул мне свою руку для рукопожатия. Робко я пожалала ее и тут же убрала так, как будто обожглась. – Таким образом, вы предложили мне перемирие?

– Именно, – он сделал глоток чая. Потом он посмотрел на свои наручные часы. – Еще час у нас с вами есть. Есть у вас еще какие-нибудь вопросы?

– Так какие стороны политики вы не признаете? – спросила я и посмотрела на него так прямо, чтобы он ответил мне честно. Он долго думал, не решался отвести глаз.

– Мне кажется неправильным то, что большинство людей стали рабами просто так, хотя, я уверен, они заслуживают лучшей жизни. Такую дискриминацию я презираю! У людей нет возможности продвинуться по социальной лестнице, они просто рабы. Знаете, а ведь в далеком прошлом на Руси жили тоже в основном крестьяне. И дети тех крестьян не могли быть кем-то кроме крестьян. И это несправедливо.

– Значит, вы за равноправие? – задала я в очередной раз вопрос.

– Нет, я против равноправия. Я говорю лишь про то, что людям нужно дать возможность выбирать кем им быть, и что-то делать для этого. Например, вы спокойно сидите дома и ничего не делаете, а я лечу вас, работаю. Но социальное положение у нас разное. Думаете, это правильно? Я работаю, но я ниже вас по положению. Но я ни в коем случае не сторонник равноправия. Что ж, если бездельник не делает свою работу, а я делаю, то у нас должна быть одинаковая зарплата? Естественно, нет! Вы так не считаете?

– Вы противоречите себе. Разные сословия у людей – есть сама дискриминация, которую вы презираете. Но вы утверждаете, что люди должны быть разного социального положения. Мне кажется, равноправие – оптимальный вариант для решения проблем на материке. Все люди будут равны, будут выполнять одинаковую работу. Вот вам мое мнение.

– Если мы с вами будем продолжать эту тему, мы повздорим, что совсем ненужно нам. Теперь моя очередь задавать

вопросы, – с еле заметной улыбкой произнес Марк Романович. – Почему у вас усталый вид?

– Я не могла уснуть до пяти утра. Я всю ночь слушала крики и выстрелы, смотрела в окно, а там пожарища.

– Вам было страшно?

– Нет, – серьезно ответила я. – Мне было больно осознавать, что пока я сидела, сложа руки, где-то умирали люди. Почему люди убивают друг друга? Для чего все эти войны? Почему нельзя мирно решить какие-то разногласия?

– Мира никогда не было. С древних времен, как только появился человек, начались войны. Не войны, а сами люди губят мир. Жажда власти, корыстность, кровожадность – качества людей, которые и устраивают войны. Но сейчас людьми движет скорее справедливость, им надоело быть рабами. И их убивают за это.

– Так нельзя.

– Вы не измените этот мир...

– Одна – нет, но если бы мне помогли, то что-то могло бы и получиться.

– Ваша тетя знает о ваших взглядах? – спросил меня психолог, я отрицательно покачала головой. – Давайте больше не затрагивать эту тему? – я согласилась с ним. – У вас проявляются проблески в памяти?

– Я помню одно имя. Варя. Оно вертится в голове, но я ничего не могу вспомнить. Мне нужно узнать, что это за имя. Я чувствую, оно очень важно для меня.

– Знаете, – он начал копошиться в своем портфеле, а потом достал оттуда небольшую книгу в кожаной обложке. – Держите, это вам.

– Что это? – спросила я перед тем, как взять у него книгу из рук. Я потом полистала ее, она была совершенно пуста. – Это?..

– Наш с вами дневник. Пишите что угодно в нем и когда угодно. Главное – постарайтесь писать как можно больше о своих воспоминаниях. Они очень важны. А потом мы все вместе будем с вами анализировать. Из беседы с вами, как я понял, практически ничего нельзя узнать. Вы натура очень скрытная. И я даже не представляю, что вас волнует сейчас. Здравствуйтесь, Максим! – поприветствовал психолог моего брата. – Мы почти закончили.

– Я ужасно промок, пока добирался до беседки. Я хотел побыть здесь немного один, а тут вы. Надеюсь, я не помешаю?

– Нет, – спокойно отвечал ему Марк Романович. В этот момент я сравнила двух молодых людей в этой беседке. Оба они не были лишены привлекательности, но в Максиме, несмотря на то, что он был младше моего психолога на целых семь лет, выделялась некая самоуверенность и мужественность. – Может, вы как брат, Максим Владимирович, проследите за тем, чтобы ваша сестра нормально ела и спала?

– До свидания, Марк Романович. И спасибо вам за дневник. До завтра, – быстро произнесла я и побежала в сторону

дома. Все мое платье промокло, а идти в столовую в таком виде нельзя было. Я поднялась в свою комнату, надела легкое голубое платье с открытыми плечами. Если бы не значительные ушибы на моем теле, я бы выглядела получше. Все плечи мои были синими, не говоря уже о моих ногах. И все-таки я спустилась в таком виде в столовую. Пахло чем-то вкусным. Это был запах свежесдобитого хлеба. Я сразу узнала этот запах.

– Варвара, – подозвала я к себе девушку. Я улыбнулась ей и поправила воротничок ее платья. – Принеси, пожалуйста, маленькую книжку, которая лежит у меня на столике, – она кивнула мне головкой и побежала.

– Здравствуй, Таня! – произнесла тетя, которая тут же обняла меня. – Пойдем за стол, – мы сели, и она начала спрашивать меня о каких-то мелочах. Она так же спрашивала, почему у меня усталый вид. Недослушав меня, она начала говорить об осени. Разговор зашел о погоде. Мы бы и дальше разговаривали на нейтральные темы, если бы в комнате не появилась Варвара.

– Возьмите, пожалуйста, – сказала она и дала мне дневник в руки.

– Спасибо большое, Варвара, – я улыбнулась ей, и она вновь куда-то быстренько убежала. Я тут же открыла дневник и написала строчки три о том, как мне знаком запах хлеба, который стоял в столовой. Закрыв книжку, я поймала на себе холодный взгляд Марии. – Извините, что я совсем

забыла о вас на минуту. Я, право, не хотела...

– Ты совершенно не умеешь обращаться с прислугой, – ее голубые глаза сверкнули пламенем нехорошим и пугающим. – Они не заслуживают такого отношения к себе.

– Отчего не заслуживают? Они очень хорошие и милые люди, – на стол начали накрывать, и я замолчала. – И потом, они ведь не виноваты в том, что стали прислугой в вашем доме, – продолжила я после некоторого молчания.

– С каких пор ты стала такой уверенной? – тетя повысила на меня голос. Я чуть вздрогнула. – И что ты написала в этом дневнике?

– Вы извините, но это мое личное дело, – в комнате появился Максим, и мы обе умолкли. Он выглядел очень странно и вел себя так же. Во время завтрака он ни разу не подался на провокации матери, хотя поводов повздорить с ней было предостаточно. Потом речь зашла о каких-то людях, имена которых мне ни о чем не говорили. Мы должны были появиться на этой неделе у одной семьи, у Мартыновых. Фамилия эта мне была не знакома. – Я, пожалуй, останусь дома, если вы разрешите, тетя, – я первый раз так обратилась к Марии. Она заметила это и еле заметно улыбнулась. Но это была не добродушная улыбка, а скорее самодовольная.

– Нет, Таня, съездить надо обязательно. Ты будешь в восторге от Мартыновых! – радостно произнесла она. Я посмотрела на Максима. Я первый раз за сегодня посмотрела ему

в глаза. Я хотела найти какой-то там ответ. За место этого, сам Максим вызвался поддержать меня.

– Она не до конца поправилась, чтобы разъезжать с тобой по гостям. Ты только посмотри на нее! – произнес он уверенно.

– Эдгар сообщил мне, что повязку уже можно снять, – невозмутимо ответила Мария и посмотрела на своего сына таким взглядом, что у меня у самой побежали мурашки. Она была страшной, лицо ее исказилось. От злобы она сделалась некрасивой. Она повернула голову ко мне. – А синяки... уверена, они пройдут.

– Сегодня вторник. И ты уверена в том, что они пройдут до пятницы? У нее совсем нет сил, чтобы куда-то ехать. Тем более дети Мартыновых ужасны!

– Ты не видел их несколько лет, Макс! Они изменились.

– Я уж точно не еду, – Максим произнес это так резко, что я вздрогнула.

– Меньше хлопот. А Таня просто обязана поехать.

– Нет.

– Ты ведь знаешь, что будет, если она послушает меня, – как-то угрожающе произнесла его мать. Оба они посмотрели на меня одновременно. – И не надоело тебе каждый день терпеть это? – они говорили загадками. В голове начался шум, гам. Руки мои начинали трястись.

– Тебе меня никогда не сломать, Мария. Со временем шрамы проходят.

– Но следы от них остаются...

– Да, в виде злобы, не более, – Максим тяжело вздохнул. – Пусть Таня сама решит, ехать ей или нет.

– Я не хочу никуда ехать, – чуть слышно отозвалась я, после чего я молча вышла из-за стола, захватив с собой дневник. Я пошла в библиотеку. Я села перед окном и смотрела за тем, как ухудшалась погода. Мне стало вдруг так одиноко, что я начала грустно вздыхать и делать заметки в своем дневнике. Я сначала писала об имени Варя, и что оно значило для меня. Потом речь зашла о Максиме. Только я начала писать о том, что наши души с ним тесно связаны, как он сам появился в библиотеке, двери которой он тут же запер. – В этом доме все пропитано ненавистью. Разве что, кроме этой комнаты, – зачем-то сказала я и снова тяжело вздохнула.

– В этой комнате редко кто бывает. Наверное, поэтому здесь так много пыли, – он улыбнулся больше грустно, чем весело. – Что произошло вчера вечером? И сегодня утром в беседке? – он сел со мной рядом. Маленький удобный диванчик, на котором мы сидели вдвоем был таким мягким, как зефир, но радости он мне не доставлял. Я сняла обувь и прижала колени к подбородку. Я закрыла глаза. Мне было грустно. В мыслях была печать, да и за их пределами была печаль.

– Где ты был?

– У Марии, – быстро проговорил Максим. – Раз уж ты не хочешь отвечать на мои вопросы, и так уж вышло, что мы

в библиотеке... – он встал с дивана и направился к одному из книжных шкафов. Я разглядела ни сразу, но на его белой рубашке были кровавые пятнышки. Я встала бесшумно и направилась к нему. – Что мы с тобой почитаем? – он развернулся, мы стояли слишком близко друг к другу. Опять этот электрический разряд по всему телу. У меня начали гореть щеки. Но не это меня так сильно заботило. – Таня?..

– Откуда у тебя кровь? – спросила я очень требовательно. Максим стусевался, он опустил глаза. – Откуда у тебя кровь на спине? – повторила я, а он продолжал молчать. – Снимай рубашку.

– Что? Нет! – он отскочил от меня. Не слушая его сопротивлений, я вновь приблизилась к нему и вцепилась в его рубашку. Он старался убрать от себя мои руки. Он прикасался ко мне так мягко, что меня это обжигало. И вся эта ситуация стала игрой. Максим начал игриво улыбаться, я не могла не улыбнуться в ответ. – Мне, конечно, не позволительно пользоваться вашей женской слабостью, но... – он поставил мне подножку. Я упала на пол. Ушибленный бок не мог так просто пройти ему даром. Я бы и дальше веселилась, если бы в голове моей не всплыло кое-что. Я тут же встала и взяла с диванчика свой дневник. – Таня...

– Т-с-с, – произнесла я, и брат замолчал. Я закрыла глаза. – Мы сидим с тобой в лесу. Я показываю тебе что-то на своей спине, потом я пытаюсь что-то сделать. Мы падаем на землю...

– Так и было, – произнес Максим.

– А теперь сними рубашку, – не унималась я. Написав о своем воспоминании, я отложила дневник в сторону. – Я... я волнуюсь...

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Сними рубашку, ради бога! – наша игра вновь началась. Я долго бегала за ним по всей библиотеке, пока не поймала его за руку. Потом мне удалось зацепить за воротник его рубахи. Он старался убрать мои руки, но у него ничего не выходило. Но потом он вдруг успокоился. Я свободно расстегивала пуговицы, а он даже не сопротивлялся. Когда рубашка была уже снята с него, я развернула его спиной к себе. Я ужаснулась. – Господи! – прошептала я. Множество рубцов покрывало его спину. Некоторые раны еще кровоточили. – Откуда это?

– Расскажу в другой раз, – сказал он недовольно, одевая свою рубаху вновь. – Вот что происходит с тобой, это другой вопрос!

– Что со мной происходит?

– Ты ничего не ешь в последнее время и летаешь где-то в облаках! Ты что-то постоянно обдумываешь. Мне бы просто хотелось узнать, о чем ты думаешь сейчас.

– Твои раны – твой секрет для меня, а мои мысли – секрет для тебя. Все честно. Извини, но мне нужно пойти к Эдгару.

– Зачем?

– Нужно наложить новую повязку, – я быстро выбежала

с библиотеки. Сердце мое сильно билось, дышать становилось труднее. Я добежала до кабинета Эдгара, но медсестры сказали мне, что он уехал на несколько дней по важным делам. Дня два назад я бы в таком случае пошла к Максиму, но не сегодня, нет. Я подошла к окну, дождь лил как из ведра. Я не знаю сколько бы еще так простояла бы, если бы со второго этажа не спустилась Мария. – Что, уже пришел учитель? – спросила я. Она нахмурилась так, будто не понимала, о чем я с ней разговариваю. – Учитель французского.

– А! Нет, он еще не пришел, – тут же протараторила она и подошла ко мне поближе. – Я вижу, ты скучаешь. Тебе стоит развеяться. Поэтому в пятницу мы и едем к Мартыновым. Ты давно не выходила за пределы этого дома.

– Да, наверное, слишком давно, – я тяжело вздохнула и пошла в свою комнату.

Все было так же, как и до этого дня, когда мы должны были ехать в гости. Я беседовала со своим психологом, и мне становилось легче. Максима я избегала. Я до сих пор никак не могла понять, что происходит со мной. Никаких проблесков в памяти моей не было. И я уже как-то даже смирилась с тем, что у меня почти нет прошлой жизни. Марк Романович успокаивал меня, говоря, что я все обязательно вспомню. Но сегодня у меня не было для этого времени. И я даже не могла сегодня с ним встретиться. Мария так была озабочена моим нарядом, что мы с шести утра выбирали с ней то, что мне может подойти. Нам помогала Варвара, но толку от нее, увы, не было. Она про любой мой наряд говорила, что я в нем хороша. Мария все время ворчала, говорила, что я слишком худа.

– Может все-таки выбрать то платье апельсинового цвета? – устало сказала я тете. – По-моему, оно очень хорошо на мне смотрится.

– Таня! Оно ужасно. Надо было вчера уже собираться, нужно еще что-то сделать на твоей голове.

– Эти Мартыновы, видимо, очень важные люди, – пробубнила я себе под нос и начала примерять новый наряд.

Так как погода была сегодня солнечной и теплой, наряды все мои были легкими. С Марией мы сошлись в одном.

Легкая простая одежда устроила и ее и меня. Мы остановились на синих брюках и белой прозрачной блузе. Но мы долго спорили с ней, что будет на моих ногах. Максимум, на что я была согласна – это балетки, но тетя настояла на своем. В эту пятницу я надела туфли на невысоком каблуке. Времени оставалось мало, поэтому мне просто сделали аккуратную шишку на затылке. Я была уже готова, но Мария все равно нашла к чему придраться. Она сказала, что я очень бледная, и потому велела нанести мне немного косметики на лицо. Глаза мои стали выразительнее, губы ярче. И на этом мое приготовление было закончено. Наконец, меня оставили одну в моей комнате. Я сидела как на иголках, мне не хотелось никуда ехать, тем более с Марией. Я встала со своего кресла и пошла к комнате Максима. Я постучала в дверь. Брат крикнул, чтобы я вошла. Прикрыв за собой дверь, я прошла к нему. Но в комнате его самого не было. Он вышел из душа. Он на мгновение остолбенел, но потом взял себя в руки.

– Есть у Марии одна положительная черта, у нее есть прекрасный вкус, – сказал он, но слова не сказал о том, что я выглядела хорошо. – Поможешь мне?

– Чем же?

– На спине кое-какие раны еще не прошли. Пластырь вот, – он протянул мне аптечку. Я нечаянно коснулась его руки, меня всю передернуло от этого прикосновения. Я кивнула Максиму головой, опустив глаза. Мне было стыдно смотреть ему в глаза. Не знаю, отчего. Тем не менее, я закрывала

кровавые раны пластырем на его спине. Руки мои тряслись.

– Так откуда у тебя раны? – спросила я тихо, прервав молчание. Я уже закончила, но Максим не поворачивался ко мне лицом. – Ладно, не говори. Ты едешь к Мартыновым? – тут же спросила я. Макс развернулся ко мне и кивнул просто головой. – Тогда я не буду мешать тебе, – робко произнесла я и выбежала из его комнаты. Как же мне было тяжело дышать! Я стыдилась всего этого. Мне нужно было и вовсе перестать с ним общаться. Но как, если даже час без него оборачивался для меня тоской? Как все было запущено!

Через час мы подъезжали к дому Мартыновых. У них был большой богатый дом с огромными балконами и шикарным парком. Нас встретили радушно. Полная женщина сорока лет расцеловала Марию и Максима, мне она по-доброму улыбнулась и пожала руку. Рядом с ней была рыжеволосая девушка по имени Катерина. Она была высокой и грациозной. Я сразу отметила, что она была хороша собой. Она обнялась с Марией и подала руку Максиму, который равнодушно пожал ее. Вероятно, эта Катерина ожидала, что он поцелует ее руку, раз красивые уголки ее губ тут же опустились. Меня она смерила странным взглядом, я кивнула ей головой в знак приветствия. Наконец мы все зашли в дом. Мы сели за большой стол, который был уже накрыт. За столом все оживленно разговаривали и ели. Я же не знала, куда деться. Тем более в основном разговаривали на французском. Вдруг ко мне обратилась Мартынова. Ее вопрос я не поняла.

– Извините, но я исключительно разговариваю на русском, – ответила я довольно уверенно. Катерина приснула, мать посмотрела на нее укоризненным взглядом и улыбнулась мне тепло и мягко.

– Вот как! Я спрашивала у вас, почему вы не едите.

– Сегодня довольно жарко, мне не хочется, – ответила я. Все замолчали. Только и было слышно, как шумели столовые приборы.

– Где же Антон, Наталья Ивановна? – спросил Максим и сделал глоток чая. – Я довольно давно не видел его.

– Он скоро подойдет, надеюсь, – ответила Мартынова. – А, вот и он! – мы все обернулись в сторону молодого человека лет шестнадцати с рыжими волосами и веснушками. Внешность у него была несуразная. Высокий лоб, вытянутое лицо, орлиный нос и тонкие губы. Но несмотря на такое разнообразие в его внешности, по нему было видно, что он был аристократом, таким же как и его сестра. Рядом с ним стоял мужчина в белой рубашке и бежевых выходных брюках с кожаным портфелем. – Марк Романович, попейте с нами чай!

– Я боюсь, что смогу помешать вам и вашим гостям, – говорил психолог, который даже не посмотрел в сторону стола. Вдруг он поднял глаза. Я улыбнулась ему. – Хотя, учитывая, что ваши гости – мои знакомые, я не откажусь выпить чашечку чая.

– Вот и славненько! Антоша садись уже за стол, – Мартынова, казалось, была рада тому, что за столом появились

еще люди. Марк Романович сел возле меня. И я была рада такому стечению обстоятельств. Вдруг все стали снова беседовать на французском языке.

– Стоит отметить, что вы превосходно выглядите, – сказал психолог, подливая мне чай в кружку. Мы говорили с ним почти шепотом, чтобы не перебивать беседу остальных. – Вы без повязки?

– Да. Я, кажется, начала поправляться, – ответила я.

– Но вы так же ничего не едите. А у Мартыновых всегда столько различных вкусовностей! Он протянул мне пирожное. Я откусила совсем чуть-чуть. Я больше и не смогла бы.

– Часто вы бываете у них? – спросила я, наклонившись к его уху. Вдруг я поймала на себе взгляд Максима, он смотрел на меня так странно, нахмурившись. Так же смотрела на него рыжая Катерина. Я отвернулась от них и улыбнулась своему собеседнику.

– Каждую пятницу. Антон Мартынов склонен к депрессиям.

– Вы поставили ему этот диагноз?

– Нет. Он сам. Только посмотрите на него! – шепнул мне на ухо Марк Романович. Мы оба посмотрели на Антона. Он выглядел очень отчужденно. Когда все разговаривали, он смотрел в одну точку и молчал. – На самом деле, он в полном порядке. Как я понял, он старается привлечь к себе внимание таким образом.

– Да уж! – приснула я и осушила чашку чая. – Неужели

только в таких беседах за столом заключается поездка в гости?

– Печально это, не правда ли? – психолог притворно вздохнул. – Вообще, Мартынова, когда у нее закончатся темы для разговоров, позовет всех гулять по ее парку. Судя по тому, о чем они разговаривают сейчас, вы скоро все двинетесь на прогулку.

– А вы?

– Я всего лишь психолог, который не стоит внимания таких крупных особ как Мартыновы и ваше семейство, – мы помолчали некоторое время. – Впрочем, если вы согласитесь составить мне компанию...

– Читаете мысли! – улыбнулась ему я. – Сегодня пятница. Странно, да?

– Чего же странного в этом дне недели?

– В понедельник я готова была придушить вас, а сегодня...

– Вы, оказывается, кровожадны! – тихо засмеялся психолог. – Если быть честным, то и я от вас был не в восторге.

– Ах вот как! – я поняла, что дошла до стадии веселья. А мне нужно было вести себя подобающе, как говорила мне Мария. – О чем они разговаривают?

– О службе вашего кузена, – на ухо продолжал говорить мне Марк Романович. – Странно, что он сейчас в 1-ом городе, если он Дежурный.

– Мне отчего-то не нравится это слово, – поморщилась я.

– Вы чувствуете отвращение к брату? – этот вопрос, казалось, так задел меня, что я просто промолчала. – Извините.

– Уж сегодня мы с вами не врач и пациент, Марк Романович.

– Это верно, но я просто хочу помочь вам, – мы снова помолчали. – Теперь они говорят о вас. Мартынова назвала вас душкой.

– Из вежливости, должно быть. Она ведь совсем не знает меня.

– Она имеет в виду вашу внешность.

– Я отнюдь не нахожу себя душкой, – нахмурившись произнесла я, вспоминая свое отражение в зеркале. Мартынова что-то громко произнесла на французском. Марк Романович подал мне руку, и я поняла, что мы идем на прогулку. Сначала все шли вместе и обсуждали прекрасный парк. Я потом начала замечать, как все разбиваются на свои группы. Наталья Ивановна и Мария пошли в одну сторону, Максим, Катерина и Антон – в другую. Мы с Марком Романовичем шли так же спокойно по прямой дорожке. – Здесь хорошо!

– У вас тоже прекрасный сад. Но он, наверное, надоел вам. Вы каждый день гуляете по нему. Почему вы не говорите по-французски?

– Я не знаю этого языка, – честно ответила я. – Вы считаете, должно быть, что это дурно!

– Мне все равно, на каких вы языках разговариваете, а на каких нет. Знаете в чем прелесть такой прогулки? – он

посмотрел на меня и улыбнулся. Я отрицательно покачала головой. – Каждая группа людей разговаривает о чем-то своем. Вам не интересно послушать, о чем говорят ваши ровесники?

– Вы так говорите, будто старше меня в два раза!

– Но я же старше вас.

– И что же теперь? Возраст так важен при общении, хотите сказать? – он засмеялся на мой вопрос. – Что смешного?

– Вы довольно забавно злитесь. Ну так что, не хотите подслушать, что говорят остальные? Я бы не упустил такую возможность.

– О, вы ведь не отстанете от меня! – пошутила я, и мы тихо двинулись в ту сторону, куда пошли Мартыновы и Максим. Мы нашли их. Они сидели возле небольшого фонтана. Катерина сидела на скамейке со своим братом, который курил сигарету, Максим лежал на траве, прикрыв лицо ладонью. Мы притаились с психологом в кустах.

– Максимус, – странно обратилась Катерина к моему брату, – почему ты так долго не заезжал к нам?

– Я вообще-то был все это время Дежурным в 104-ом, Катя. Сколько лет мы не виделись?

– Довольно давно, – ответил Антон и закурил. – Катя посмотри, не идет ли там мама...

– Кури уже спокойно, а! – недовольно проворчала его сестра. – Она ни разу тебя еще не поймала, – она закатила глаза так, будто брат для нее был настоящей обузой. – Поче-

му ты вернулся?

– Ты хочешь поговорить о политике? – Максим приподнялся на локтях. – Думаю, не стоит. Антон, с каких пор ты куришь?

– Он связался с отвратительной компанией! – отвечала за брата Катерина. Она не нравилась мне. Была она красивой, но противной и вредной. Я передразнила ее так, что Марк Романович прыснул со смеху.

– Это мама? – Антон тут же потушил сигарету и выкинул ее.

– Тут никого нет, Антонио, – девушка посмотрела на него как на недотепу.

– Так-так, и с кем же это мы связались, а? – Максим улыбнулся Антону. – Все настолько ужасно, как и говорит твоя сестра?

– Нет, напротив. Николая хороший парень.

– Николай твой просто ужасен!

– Ну, полно, Катя! – мягко обратился Максим к девушке. Она тут же успокоилась и улыбнулась ему довольно мило. – Тебе еще не нашли мужа? – Катя покачала головой. – Странно, тебе же уже восемнадцать.

– Хотела я с тобой поговорить о твоей кухне, – ответила она и поморщилась. Мне стало интересно. – Откуда она вообще появилась?

– Есть тебе до нее дело?

– Она невоспитанная. Нет никаких манер. А еще она

не разговаривает на французском! Имя деревенское, как и ее воспитание! Да и вообще она дурна собой, – говорила Катерина с отвращением. Мне стало обидно, и Марк Романович уже хотел увести меня от них, но я осталась.

– Нет, я бы поспорил с тобой, Катя, – ответил Антон. – Она очень хорошенькая, но у нее болезненный вид. Но ты права, она невоспитанная.

– Ну нет, – сказал Максим и сел. Солнце осветило его прекрасное лицо. – Пожалуй, я нажалуюсь вашей маменьке, что вы отвратительно себя ведете! Хотя бы из вежливости вы могли бы промолчать и оставить свое мнение при себе.

– Максимус, твоей ужасной кузины здесь нет. Она, наверное, раздражает тебя так же, как и меня раздражает Антонио.

– Катя! – брат ее посмотрел на нее с обидой и снова закурил.

– Таня хорошая сестра. Она никак не докучает мне...

– Что-то подсказывает мне, что ты испытываешь к ней совсем не братскую любовь! – Катерина приблизилась к нему. Она улыбалась ему так злобно, что мне самой стало не по себе.

– Тебе, видимо, напекло голову, – грубо ответил Максим и встал. – Все-таки она моя сестра!..

– Двоюродная, – подметила Катя. – Брак между вами возможен по закону. Признайся, она не безразлична тебе, эта провинциалка! – Катя подошла к нему и что-то шепнула на ухо, она кокетничала с ним. Я отвернулась. Щеки мои го-

рели.

– Пойдемте, пожалуйста, – обратилась я к психологу. Я взяла его за руку и вытащила из-за кустов. Мы шли некоторое время молча по тропинке. – Скажите, я настолько ужасна?

– В Катерине говорит ревность. Разве вы не заметили, как она смотрит на вашего брата? А брат ее поддакивает и только. На самом деле вы очень милы, как внешне, так и внутренне.

– Вы добры, Марк Романович...

– Этою скорее, правда, чем вежливостью, – подметил Марк Романович. – Сама Катерина, конечно, обворожительнее вас, но в ней нет ничего хорошего. Странно, что Антон еще не стал таков, как она. В нем еще осталась материнская доброта. О, я обожаю Наталью Ивановну! Чудная женщина!

– Угу, – промычала я, совсем не слушая своего собеседника. Я знала, что он давно заметил уже, что что-то со мной не так. Но он продолжал говорить со мной, несмотря на то, что я никак не поддерживала разговор. Мы наткнулись на скамейку и сели. Место было удачным. Мы сидели в тени деревьев недалеко от тропинке. При этом нас почти не было видно.

– Давно хотел спросить, – начал Марк Романович, взяв мою руку, отчего я немного вздрогнула, – откуда у вас мозоли на ладонях?

– Ну, откуда я могу знать! Вы поймите, что я совсем ни-

чего не помню. Вообще ничего, – последние слова я почти прошептала. – Какого было бы вам, если бы вас постоянно спрашивали о чем-то, а вы не смогли бы ответить на элементарный вопрос, потому что тут у вас почти пусто? – я слегка дотронулась рукой до его виска. Он до сих пор не отпускал мою руку. – Простите, я не... – психолог прикрыл мне рот рукой. Недалеко от нас раздались вновь голоса Мартыновых и Максима.

– Ты слишком взволнован, Максим, – мурлыкала Катерина. – Нам и без Тани этой хорошо, да, Антонио? – брат ей ничего не ответил. – Думаешь, она соскучилась без тебя, Макс?

– Откуда я могу знать? – произнес он так, чтобы она отделалась от него. – Куда она могла пойти?

– Должно быть, ты соскучился без нее? – не унималась Катя.

– Думай, что хочешь! – Максим не на шутку разозлился. Это было слышно даже по его голосу. Что могло стать причиной такой злобы? – Таня! – вдруг крикнул он. Я хотела уже выйти к ним, но Марк Романович удержал меня.

– Кажется, она ушла вместе с психологом Антоши, – злобно произнесла Катерина. – А ты, вероятно, видел, как они заигрывали за обедом?

– Катя не начинай, пожалуйста! – умоляющим голосом произнес Антон Мартынов.

– Я видела, как ты смотрел на них, – продолжала его сестра. – И ты хочешь сказать, что к своей кузине ты ничего

не испытываешь? Ха-ха! Да по тебе видно, что ты ужасно ревнуешь, Макс!

– А думаешь, я не вижу, как ты сама смотришь на меня. Ты с детских лет бегаешь за мной как дурочка. И ты, действительно, думаешь, что я не знаю о том, что ты отказываешься от каждого кандидата на твою руку только из-за меня? Ты глупа, Катя! Я знаю, ты без ума от меня, ты с десяти лет пишешь в своем личном дневнике только обо мне. И над кем, действительно, стоит посмеяться, так это над тобой!

– Замолчи! – прикрикнула на Максима она. – Ты говоришь так лишь от того, что ревнуешь свою кузину к психологу. И все бы ничего, Макс, если бы она не была твоей двоюродной сестрой. Это все омерзительно. Ты без ума влюблен в девушку, с которой вас связывают кровные узы. Такой союз все будут презирать, а я в первую очередь. И ты окончательно опозоришь свою мать.

– Катя... – попытался что-то вставить Антон.

– Что ты хочешь этим сказать? – требовательно спросил Макс у Кати.

– А то, что ты стоишь на стороне повстанцев, то есть на стороне рабов! Все знают, что ты изменник и предатель! Ты помогал им. И я даже представить не могу, что сделала твоя мать, чтобы тебя не казнили.

– Думаешь, я боготворю ее за это? – почти вскричал Максим. – Да я бы лучше умер, лишь не видеть все это, всю вашу аристократию, вас всех. Да я бы все сделал, чтобы меня

казнили, если бы не одно но...

– Твоя кухня, – уверенно произнесла Катерина.

– Знаешь что? Катись к черту, Катя! – процедил он сквозь зубы и ушел. После того, как от нас все достаточно удались, Марк Романович осторожно выпустил меня из своих сдерживающих объятий.

– Извините, я оставляю вас? – робко и тихо спросила я у своего психолога. Он пожал плечами. – Вы приедете завтра?

– Мы увидимся с вами только в понедельник, Таня.

– Скажите, вы женаты? – спросила я у него. Такой вопрос заставил его удивиться. Он молча смотрел на меня минуту. – Значит, у вас есть жена?

– Нет, я не женат...

– В таком случае, вы можете спокойно пригласить меня на чай.

– Вас?

– Меня. Завтра, пожалуй, – я улыбнулась ему. – Вы смотрите на меня, как на сумасшедшую, Марк Романович.

– Я напишу вам, когда все обдумаю.

– До свидания! – я улыбнулась ему и пожала руку. Я быстрыми шагами пошла на поиски Максима. Я чуть было не наткнулась на детей Мартыновой, и на нее саму тоже. Солнце припекало так, что мне становилось жарко. Я решила присесть возле какого-то фонтанчика. Я окунула руку в прохладную воду, и мне, казалось, сделалось чуточку лучше.

– Я не помешаю? – тихо спросил Максим, который уже сидел возле меня. Я слегка улыbnулась ему и покачала головой. Мы молчали довольно долго, и для меня это было в тягость. – Как тебе Мартыновы?

– Честно?

– Честно, – Максим улыbnался так легко и мягко, что мне становилось постепенно легче, и неловкость между нами куда-то понемногу уходила.

– Мартынова хорошая женщина, правда, дети ее совсем не похожи на нее. Антон немного странный, а Катерина... она какая-то строптивая, что ли, но она очень красивая.

– Да, красоты у Кати не занимать. Впрочем, как и высокомерия, – я чуть засмеялась. – Ты совсем другая.

– Самая обыкновенная, – усмехнулась я. – Разве что, без памяти и с ужасными манерами.

– Еще ты не разговариваешь на французском языке! – шуточно подметил Максим, я обрызгала его водой из фонтана. – Вы ведете себя неподобающе, Татьяна! – засмеялся он. Как у него светились глаза! Я так засмотрелась на него, что он воспользовался этим и обрызгал меня в ответ. – Один-один.

– Это было не честно...

– Тише, – он вдруг приблизился ко мне, протягивая руку к моим волосам. Оказалось, на голове у меня сидела бабочка. Мы сидели так близко, что даже не замечали этого, так как смотрели на бабочку с фиолетовыми крыльями. – Таня,

из-за тебя я не могу разглядеть ее! – он поднес руку, на которой сидела бабочка, к своему лицу. Я подалась вперед, чтобы рассмотреть прекрасное насекомое. Она вдруг улетела, а я оказалась в нескольких миллиметрах от лица Максима. Его губы были так близко, мне достаточно было только вытянуть свои губы, чтобы дотронуться до них. Я чувствовала его дыхание на своей коже. Щеки мои вспыхнули. Господи, о чем я только думала? – Когда это все уже закончится! – отчаянно прошептал Максим и ушел, оставив меня одну.

После прогулки Катерина сыграла нам на рояле. Марка Романовича уже не было, и поэтому я готова была помереть от скуки. Пока Мария и Наталья Ивановна болтали о чем-то своем, мы все обменивались только взглядами. Враждебных взглядов было недостаточно, казалось, для младшей Мартыновой. Она предложила нам всем снова отправиться на прогулку. На этот раз мы пошли без взрослых и Антона, которого Мария попросила поиграть на рояле за место сестры. И вот так мы шли молча втроем. На улице было хорошо и прохладно. Солнце уже давно село и только фонари освещали нам путь. Из дома раздавались звуки музыки.

– Таня, вы танцуете? – спросила меня Катерина и тут же улыбнулась злобно и неприятно.

– Нет, увы, – ответила я. Я тут же начала выслушивать от нее, что у меня, мягко говоря, дурное воспитание. – Вы извините, но вам бы следовало держать свой язык за зубами! – не выдержала я.

– Мой пудель Чарли ведет себя приличнее, чем вы!

– Должно быть, вы хорошо знакомы с вашими же повадками?

– Что простите? – не поняла она меня.

– А ваш пудель так же глуп, как и вы? – отвечала ей я.

Меня потряхивало от злобы, и в тоже время я была довольна собой.

– Заткни, Максим, пожалуйста, свою кухню! – она говорила так, только потому, что ей нечего было мне ответить. Я самодовольно улыбнулась.

– Затыкайте свою собаку, Катерина, но мне вы не посмеете закрыть рот, – на мои слова Катя отреагировала довольно странно. Она злобно топнула ногой, немного походила взад-вперед и скрылась в доме. После этого я засмеялась. – А все из-за того, что я не умею танцевать!

– Я мог бы научить тебя, – произнес Максим вполне серьезно. – Давай, – он галантно поклонился мне. – Вальс – мой не самый любимый, но... – он притянул меня к себе за талию. Я встретилась с ним глазами. – Таня?

– Что? – прошептала я, когда он уже пытался научить меня танцевать. Я чувствовала, как билось его сердце. Мое колотилось так же бешено. Мне становилось трудно дышать.

– Вспомни меня, – прошептал он, но я не понимала его. Он потом отпустил меня, и мы сделали вид, что гуляли по парку, так как к нам на встречу вышли все. Пора было ехать домой. Мы очень быстро попрощались с Мартыновы-

ми и так же быстро добрались до дома. Я, не раздеваясь, рухнула на свою кровать и мгновенно уснула.

6

На следующее утро меня разбудила Варвара. Она принесла мне кружку кофе и какой-то конверт, а потом вышла, я быстро сходила в душ, а потом села за кружку кофе у окна. Я начала раскрывать конверт. Марк Романович как и обещал, написал мне письмо. Как только я увидела, что письмо это от него, я улыбнулась. Он писал мне о том, что у него есть пара лошадей, и что мы могли бы прокатиться с ним. Как выяснилось, он написал письмо и Марии, в котором он писал ей о том, что мне нужна его помощь, он определил это сам, беседуя со мной у Мартыновых. Мария охотно отпустила меня к нему. Я надела свободные брюки и домашнюю рубашку, чтобы ее не жалко было марать. Тетя посадила меня на машину. Через десять минут я была уже у дома Марка Романовича. Он встречал меня сам. Он был одет в довольно простую рубашку, кофту и черные брюки. Он предложил мне сначала позавтракать. Дом был у психолога не таким роскошным, как у Мартыновых, но довольно уютным и просторным. Я думала, что мы сядем за небольшой стол в столовой, но мы направились на задний двор. Через минуту мы сидели на пледе по-турецки и беседовали с набитыми ртами.

– Надеюсь, тетя отпустила вас нормально? – спросил меня Марк Романович и сделал глоток апельсинового сока.

– Мне кажется, она даже обрадовалась тому, что меня

не будет некоторое время дома! – рассмеялась я. – Я рада вас видеть.

– Знали бы вы, как давно у меня не было гостей, – он улыбнулся мне довольно дружелюбно. – Приятно видеть, что вы, наконец-то, едите.

– У меня поднялось настроение, – ответила я и съела бутерброд с сыром. – Вы жуете, как какой-то хомяк! – рассмеялась я, когда увидела набитые щеки своего психолога.

– Ну почему, когда я начинаю есть, вы начинаете шутить? – я в первый раз увидела, как хохотал мой психолог, от этого я рассмеялась еще больше. – Боюсь себе представить, что будет, когда вы сядете на лошадь!

– Если я на нее вообще сяду, – пошутила я и допила свой стакан сока. – Вы извините, но в меня больше не влезет!

– Нам надо это все доесть, если вы не в курсе.

– Тогда я точно не залезу на лошадь, Марк Романович! – он вновь рассмеялся. Он уступил мне и мы пошли к его лошадям. – Привет! – поздоровалась я с белой лошастью. – Какая ты красавица! Держи, – я достала из кармана брюк яблоко и провела рукой по ее славной мордочке. – Как зовут ее, Марк Романович?

– Белла, – мягко произнес он и погладил лошадь. – Вы понравились ей.

– Славная лошадь. А вы поедете на этом вороном коне?

– Да, я так и назвал его, Ворон. Помнится, мне подарили его, когда мне было пятнадцать. Мы давно с ним дружим,

да, Ворон? – он погладил своего коня и улыбнулся ему. – Вы вообще умеете кататься верхом?

– Шутите? – посмеялась я. – А впрочем, я не помню этого.

– Давайте уже проверим, умеете вы кататься или нет, – мы вывели лошадей на луг, трава которого уже начинала желтеть. Я сделала хвост на голове, так как волосы начали мне мешаться. Потом я начала думать, как взобраться на седло. – Мда, Таня...

– Не мешайте, Марк Романович, – я начала забираться и тут же упала. Белла заржала так, будто смеялась надо мной. Психолог тоже. Он помог мне подняться и тут же помог мне сесть на седло. – Вот видите, у меня все прекрасно получается!

– Ну, если вы говорите про ваше падение, то да, у вас отлично получается! – пошутил Марк Романович и умело сел на своего вороного коня. – Доверьтесь вашей лошади, она сама вас повезет, – сказал он, и мы двинулись. – Сегодня чудная погода!

– Ветер теплый и пахнет дождем. Сегодня хорошо на улице, вы правы, – лошади наши были спокойными и шли рядом. – Странно немного, что я знаю вас меньше недели, а мне так приятно общаться с вами.

– Мне тоже, – он улыбнулся мне. – Надеюсь, вы не подрались вчера с Катериной Мартыновой?

– Мы тихо затаили друг на друга злобу. Вечером вчера она говорила мне о том, что я дурно воспитана. Может она и пра-

ва отчасти, но ей самой следовало бы последить за собой.

– И вы высказали ей это?

– Да, она заслужила этого.

– Да с вами опасно связываться!

– Всё шутите, – укоризненно посмотрела я на него. Но он только рассмеялся. – Знаете, у меня складывается ощущение, что вы смеетесь надо мной.

– Что еще остается мне делать, как не смеяться над вами, вы так молоды и неопытны, что это может вызывать только смех...

– Послушаете, вам ведь только двадцать пять лет, а вы говорите так, как будто между мной и вами многовековая пропасть. Разница между нами только в том, что вы слишком заиклены на цифрах, а я нет.

– Хотите сказать, будь мне пятьдесят восемь, вы бы так же беседовали со мной, как и сейчас?

– В том-то и дело, что нет. Вы задумайтесь! Если я общаюсь с вами, а не со старичком, не значит ли это, что я отношусь к вам так же как, например, к моему брату?

– Нет, не значит, – упрямылся психолог. – Вы относитесь ко мне совсем не так как к своему брату.

– Вы так говорите, будто обвиняете меня в чем-то, – пролепетала я. Мне не хотелось продолжать этот разговор, но тема эта заинтересовала моего собеседника. – Как же, по-вашему, я должна к вам относиться?

– Вы ушли не в ту сторону...

– Считаете, я ухожу от темы?

– Да.

– Нет, я совсем не ушла от темы, Марк Романович, – запротестовала я. Он серьезно на меня посмотрел, что очень удивило меня.

– С вами невозможно разговаривать. Вы все время спорите! – наконец, ответил он. – Вы такая упрямая! Мне кажется, какую тему мы с вами сейчас не затронем, вы всегда найдете повод поспорить!

– Я бы с вами поспорила на счет этого. Уж извините за каламбур! Я вовсе не упрямая, просто мнение мое не сходится с вашим. Разве должны вы соглашаться с моим мнением всегда? А я должна соглашаться с вашим? Конечно же, нет!

– Да, в этом вы правы, но...

– Марк! – послышался детский голос. Мы обернулись. Я немного удивилась, когда увидела, как к нам направляется девочка лет двенадцати. Она подошла к нам. – Здравствуй-те! – радостно поприветствовала она меня. Мне тут же захотелось улыбнуться.

– Здравствуй, – больше ласково, чем радостно произнесла я. Эта девочка так была похожа на психолога. Я тут же поняла, что к чему. – Марк Романович, почему вы не говорите мне, что у вас есть такая чудная сестра?

– А тут я бы с вами поспорил! Навряд ли этого чертенка можно назвать чудной девочкой, – пошутил он, на что девочка показала ему язык. – Марго, это Татьяна, – предста-

вил нас Марк Романович. – Надеюсь, ты не против, что Таня взяла твою лошадь?

– Я могу слезть, если хочешь, – тут же сказала я девочке. – Я уже поняла, что не умею ездить верхом.

– Вы понравились Белле, – она улыбнулась мне и погладила свою лошадь по морде. – Марк, как на счет того, чтобы поиграть в прятки?

– Марго, мне напомнить, сколько тебе лет? – снова начал Марк Романович. Я посмотрела на него и закатила глаза.

– Я даже не представляю, как ты живешь с таким братом! – говорила я, слезая с лошади. – Он же старый и занудный! Тебе повезло, что сегодня к вам приехала я, – я снова упала и ушибла затылок. Марк Романович тут же слез со своего коня и помог мне снова подняться. Я пощупала голову и обнаружила, что у меня шла кровь. – Сегодня просто не мой день, – постаралась пошутить я.

– Может, мне отправить кого-нибудь за вашим врачом?

– За Эдгаром? Нет, кажется, он занят, не стоит его тревожить, – отмахнулась я и посмотрела на Марго. Ее большие карие глаза выражали какой-то испуг.

– У вас кровь.

– Всего на всего красная жидкость, – беззаботно ответила я. – Не стоит так беспокоиться! – в глазах моих немного потемнело. Я медленно опустилась на землю. – Сейчас... подождите...

– Марго, позови медсестру, – сказал Марк Романович

сестре и она убежала. Ее голубое легкое платье раздувалось на ветру, а темные волосы двигались подобно волнам. – Та-ня...

– У вас замечательная сестра! – отозвалась я, наблюдая за тем, как Марго быстро вбегает в дом. – Вы должны развлекать ее, а то ее игривость скоро угаснет.

– Собственно говоря, я этого и добиваюсь...

– Она ребенок! – возмутилась я. – Дайте ей время наиграться, и вы должны ей в этом помочь. Может быть, тогда вы ощутите, что вы еще достаточно молоды, – я усмехнулась и снова пощупала свой затылок. – Для меня ссадины – дело привычное. Я, конечно, не помню, как еще откуда-то падала, но у меня очень много шрамов. Например, у меня ужасный шрам на руке. Кто знает, что он означает, – я задумалась. – Где же ваши родители?

– Их убили, – Марк Романович стал смотреть вдаль. Лицо искажалось его странной гримасой, ему было больно вспоминать об этом. – Ваша тетя знает, эта война между правительством и рабочими идет много лет. Просто сейчас настала самая кульминация этой бойни. Мои родители просто заступились за рабочих людей, они вызвались помочь им. Их казнили, когда Маргоше было всего пять. Вообще по приказу было велено казнить всю нашу семью, но Наталья Ивановна помогла нам.

– Мартынова?

– Да, я до сих пор благодарен ей за это. Я каждую пятни-

цу, когда занимаюсь с Антоном, говорю ей об этом, – он замолчал. – Недавно вы спросили меня, как я отношусь к политике материка. Я сказал вам, помнитесь, что какие-то стороны поддерживаю, а другие – презираю. А на самом деле, знаете, о чем я думал? – я посмотрела на него вопросительно. Он стал таким серьезным. – Я думал о том, как ненавижу эту политику, ненавижу тех, кто ее устанавливает, ненавижу правительство. Вот о чем я думал. Ваш брат поступил как мои родители, и за это я его уважаю. И глядя на вас, я думаю, знаю, что вы тоже находитесь на стороне рабочих. Ни у одной девушки в вашем возрасте нет таких ран и шрамов как у вас. Это все знаки борьбы, я думаю. Это всего лишь доводы. Но когда к вам вернется память, я хочу чтобы это оказалось правдой.

– Что-то случилось, Марк Романович? – к нам подбежала женщина с аптекой и в специальной медицинской одежде. Мой психолог просто указал рукой на меня, и медсестра тут же налетела на меня. Она взяла мою голову в свои ладони и внимательно осмотрела меня. – У вас темнеет в глазах?

– Да, – коротко ответила я. – У меня кровь, я сильно ушибла затылок.

– Тут ужасная шишка! – ахнула медсестра. Я слегка улыбнулась ей.

– Она и до этого была. Мой врач накладывал мне повязку на голову, чтобы рана не кровоточила. Можете вы сделать что-то такое?

– Да, конечно, – она тут же начала что-то делать. И в скором времени моя голова снова была перебинтована. – Вам бы в доме посидеть на диване, а лучше прилечь, – прибавила медсестра и быстро удалилась.

– Если честно, то я хотела поиграть в прятки, – шутя сказала я Маргарите и улыбнулась ей. Потом мы все направились в дом. Мы сидели в гостиной у камина и разговаривали. В доме психолога было заведено делать все самим. Они сами себе готовили, сами убирались, они любили труд. Вот и сейчас они налили чай сами и принесли его в гостиную. Мы начали пить чай. – Чем вы занимаетесь в доме, Марго?

– Я катаюсь на лошади, читаю и учусь, – она надавила на последнее слово так, будто оно ужасно ей надоело. Я посмотрела на Марка Романовича, который ласково улыбался, глядя на свою сестру.

– Признаться, я тоже ненавижу учиться! Ты, например, знаешь французский язык? – она кивнула головой. – А я нет! Я каждый божий день занимаюсь с учителем. Еще меня хотят научить танцевать. Кошмар, не правда ли? А еще я вижу вашего брата почти каждый день!

– Так вы пациентка? – удивилась Маргарита. Я кивнула ей головой. – Вы чем-то болеете? – тут же спросила она.

– Марго, – строго произнес ее брат, но я только улыбнулась ей.

– Кажется, это называют амнезией, если я не ошибаюсь, – ответила я. – Я потеряла память, я ничего не помню.

– Совсем-совсем?

– Нет, благодаря твоему брату, я кое-что вспоминаю, – я откинулась на спинку кресла. – Но мне кажется, я уже никогда ничего не вспомню.

– Марк поможет вам, я уверена, – она улыбнулась мне слегка, встала и подошла к окну. – Дождь начался. Я терпеть не могу осень!

– Я тоже, – откликнулась я. – Все сразу становится таким скучным и грустным, – я тяжело вздохнула. Марк Романович, судя по всему, очень глубоко задумался. Он уставился на пламя, которое горело в камине, и не поддерживал разговор. – Как на счет прятков? – тихо спросила я у его сестры. Лицо ее тут же оживилось.

– Если вы, Таня, думали, что я совсем вас не слушаю, то вы ошибались. Вам надо спокойно посидеть.

– А, собственно говоря, почему вы решаете, что мне делать? – возмутилась я. Психолог оживился, он повернул ко мне голову и странно улыбнулся.

– Ну, наверное, потому что вы находитесь у меня в доме, – спокойно ответил он и сделал глоток чая.

– Но я же ваша гостя!

– Но вы же в моем доме!

– Слово гостя закон! – я подняла указательный палец вверх. Между нами снова начал разгораться спор. Признаться, меня забавляла такая беседа с ним.

– Обычные гости ведут себя скромно, если вы не знали, –

и по Марку Романовичу было видно, что его такой спор тоже забавлял.

– Я необычный гость. И вы, как гостеприимный человек, должны угождать гостю.

– А я негостеприимный человек.

– Заметно, – пробубнила я. – Что же вы тогда пригласили меня в гости?

– Вы сами попросили об этом, – с вызовом ответил он.

– Вы могли бы и отказать мне в этом, если уж на то пошло.

– Я не мог вам отказать.

– Почему?

– Потому что я сам хотел, чтобы вы нанесли мне визит, – глаза у него засияли, лицо оживилось, стало таким же игривым, как и у его сестры.

– Так может, тогда вы исполните мою просьбу? – не унималась я. Он прыснул. – Что?

– Я же сказал вам, что я не гостеприимный человек.

– Тогда, может, мне уйти?

– Я не смею вас задерживать. Если хотите – уезжайте. Я вам не указ. Да и вообще, по-моему, вам никто не указ, – я отвернулась от него и глубоко задумалась. Скорее всего, Марк Романович тоже погрузился в свои мысли. Мы молчали долго, думали о чем-то своем. Здесь, в этом доме, было так спокойно, не так как у Марии. У Марка Романовича было хорошо и уютно. Возможно, из-за отсутствия какой-либо роскоши в доме здесь было все таким теплым и приятным.

А роскошь отталкивает, от нее веет холодом. Я бы, наверное, предпочла вместо богатой столовой в доме Марии эту уютную небольшую гостиную с камином, в которой мы сейчас сидели. Я бы лучше жила здесь, чем там, в холодном замке тети. – Марго? Где она?

– Что? – я не сразу оторвалась от своих мыслей. Психолог уже стоял и осматривался по сторонам. – Ваша сестра очень хитрая!

– Что вы имеете в виду? – психолог не понимал меня, я поднялась с кресла и улыбнулась ему. Он нахмурился.

– Неужели вы не понимаете, что она просто спряталась?

– Непоседливая девчонка! – проворчал Марк Романович, и мы стали искать по всему дому Маргариту. Спряталась она довольно хорошо, а брат ее постоянно ворчал, проверяя все шкафы и комоды.

– Вы слишком строги. До неприличия! – смеялась я над ним. – Она же девочка, в конце концов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.